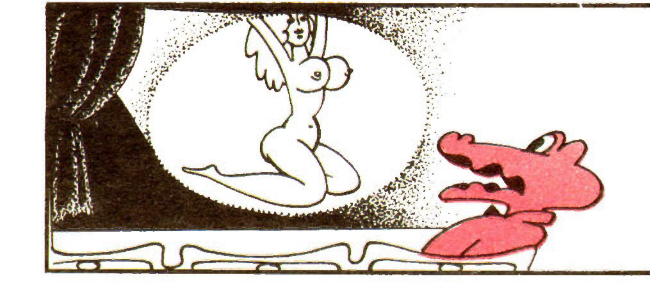

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 22 АВГУСТ 1989

О. ТЕСЛЕР, Ю. СТЕПАНОВ (тема).

Современный театр: ню и ню!..

Стр. 4.

КРОКОДИЛ

№ 22 (2644)
август 1989

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 29.06.89.
Подписано к печати 06.07.89.
А 00313.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5 200 000 экз.
(1-й завод: 1—2 600 125).
Зак. № 901.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП, Москва, А-137,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

В. МОЧАЛОВ, В. ТИЛЬМАН (тема).

ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО...

ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ У СЪЕЗДОВСКОГО ТЕЛЕЭКРАНА

Демократия — великое дело. Это еще раз показал первый Съезд народных депутатов СССР. Впервые за много десятилетий собрались не голосующие манекены, а живые люди. Каждый со своим характером, мнением, голосом. Серьезными намерениями и чувством юмора. Крокодилу, естественно, наиболее близка именно эта сторона — юмор. Который не оставлял людей в Кремлевском Дворце съездов в самые что ни на есть серьезные моменты заседаний. И это тоже, как и многое другое, говорит о том, что мы наконец выздоравливаем. О том же — беспрецедентная открытость съездовской работы. Как подметил один из депутатов, в эти дни страна объявила своего рода итальянскую забастовку: кто мог, *на работе не работал*, а смотрел телевизор. Крокодил, как показано ниже, тоже смотрел, хотя и работал...

...Мироненко В. И. ...Мне кажется, не надо подхваливать Михаила Сергеевича... это унижает этого человека, этого крупнейшего политического и государственного лидера...

Оболенский А. М. Если у нас министр финансов не в состоянии провести эту операцию как положено,— наверное, его надо освобождать. Может, японца пригласить?..

Гиро В. А. ...По поводу наших первых лиц я могу официально от имени делегации сказать одно: мы выбрали тех, кого знаем, и, чтобы корабль перестройки все-таки двинулся вперед, мы готовы пожертвовать и первым, и вторым секретарями ЦК Компартии Таджикистана, на что я имею их принципиальное согласие...

Сулейменов О. О. ...Демократия — еще юная девочка, так скажем. И сразу требовать от нее удовлетворения всех своих страстей, не дав достигнуть ей совершеннолетия хотя бы,— это просто уголовное преступление. Пусть она возрастет, пусть плод созреет...

Адамович А. М. В витринах западных магазинов — товары. А в наших неплохо бы вешать портреты министров: в мясном — министра сельского хозяйства, в обувном — легкой промышленности...

Журавлев А. Г. ...У меня такое ощущение, что, когда я вернусь домой, возможно, многих из них уже не застану в живых. Потому что часть из них помрет от возмущения, а вторая — от смеха...

Амангельдинова Г. А. Делаются даже такие заявления, что члены Политбюро не там сидят. Да что это сегодня такой важный вопрос, где сидит Политбюро? Вот они сидят там, и пусть они сидят...

...В данной ситуации, сложившейся на Съезде, я как женщина даже боюсь садиться среди тех московских делегатов, которые выступали в первые три дня...

Хаджиев С. Н. Вот здесь должен бы сидеть распорядитель Съезда с хорошим молотком, с двумя могучими помощниками. Вот я сейчас не уйду отсюда — что вы со мной сделаете, милицию вызовете?..

Горбачев М. С. А у нас вот товарищ Власов сидит.

Хаджиев С. Н. Так у него одного сил-то не хватит, я уцеплюсь и стоять буду...

Назарбаев Н. А. А теперь вынуждены вернуться к самому архаичному показателю — соотношению производительности труда и средней зарплаты, которое внесено четырьмя уважаемыми ведомствами. Пусть они на меня не обижаются, но этот документ носит на предприятиях название «Письма банды четырех»...

Оджиев Р. К. Я единственный человек, который не относится ни к партии, ни к Советской власти, ни к государственным учреждениям, я — кооператор...

Олейник Б. И. До слез умиляло, как доверительно, по-свойски повернувшись разрезом пиджака к народным депутатам, а следовательно, и ко всему нашему и мировому сообществу, мы буквально касались челом плеча главы государства, поверяя ему, очевидно, самое сокровенное...

Бунич П. Г. Мы занимаем высокое место в мире по количеству постановлений, причем уникально пространных... занимаем сейчас явно передовые позиции по очередям, количеству людей, которые ходят с сумками, размеру каждой сумки и тому воздуху, который в ней находится... Я бы сказал вот что: «Кто не работает — тот ест того, кто работает»... К сожалению, мы живем лучше, чем работаем, хотя живем скверно...

Черниченко Ю. Д. Если об электронике, то здесь присутствует уважаемый и самый верховный наш счетчик товарищ Осипьян. Я с ужасом узнал, что он — ведущий электронщик и большой специалист в физике — считал на счетах. Это войдет, я думаю, в историю...

В рабочее время у телевизора просиживал Гр. КРОШИН.

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКОГО ПИСЬМА

СКОЛЬКО МОЖНО

...Ремонт центральной районной больницы в г. Коврове длится 9 лет... В свое время этот ремонт поручали крупным промышленным предприятиям, но ввиду слабого спроса исполкома горсовета и контроля со стороны горкома КПСС ремонт до сих пор не завершен. В то же время пристройка — 4-этажное здание — к старому 3-этажному зданию горкома КПСС сделана всего за 1 год!..

В. ТИТОВ,
г. Ковров Владимирской области.

ПАТЕНТ Я НЕ ВЗЯЛ...

Здравствуй, уважаемый «Крокодил»! Два года назад обращался я к тебе по поводу индивидуальной трудовой деятельности. Спасибо за помощь. Полтора года с трудом, но работал. И вот перед Новым годом получаю послание из финотдела: плата за патент увеличена на... 128%!!! Как помочь в приобретении материалов — так никто, куда я ни обращался: ни торговля, ни Госснаб, а плату увеличить — «проще пареной репы».

Судя по всему, они думают, что я зарабатываю в год около четырех тысяч чистыми, думают, что печатаю деньги, а не фотографии... В среднем получается, что я должен заснять каждого жителя села и содрать с него несколько рублей. За материалами приходится ездить в Москву, часто переплачивать вдвое, а то и больше, да и оборудование хорошее «хороших» денег стоит. А где гарантия, что в следующем году снова не поднимут цены на патент? Благо в постановлении Совета Министров УССР от 15 апреля 1987 г. № 127, пункт 3, есть лазейка: «...Предоставить право Министерству финансов УССР изменять по просьбе облисполкомов... установленные этим постановлением размеры платы за патент по отдельным видам деятельности в зависимости от фактических доходов граждан, которые занимаются этими видами индивидуальной трудовой деятельности». Это что же, вначале ошиблись на целых 128% или увидели, что много зарабатывают (к слову, у меня никто не спрашивал о доходах)? При всем при том, что у меня, как и у каждого сельского жителя, хватает работ на приусадебном участке, от основной работы на производстве меня никто не освобождает, занимаюсь я фотографированием в свободное время.

Но это еще цветочки. Минбыт УССР вообще хотел запретить кооперативную и индивидуальную деятельность по фотографированию: в адрес нашего райбыткомбината пришло письмо из облбыткомбината со ссылкой на письмо из министерства, но, видно, что-то там не сработало, так решили убрать конкурентов повышением платы за патент.

Патент на этот год я не взял, в результате на новогодних праздниках в школе и детсаду дети и родители остались без памятных снимков, а я — без дополнительного заработка. Да здравствуют бюрократы!!!

С уважением

ЧЕРНОМАЗ Николай Петрович,
с. Привольное Баштанского района Николаевской области.

Ю. КАЗАНЦЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

ПО МОЗГАМ!

В некоторых выступлениях на недавнем Съезде народных депутатов СССР сквозила обеспокоенность состоянием дел в кооперативном движении страны. Высказывались разные точки зрения, одни выступающие ратовали за всемерное развитие кооперации, другие обвиняли кооператоров в рвачестве, в выпуске продукции никудышного качества и даже в инфляции, поразившей экономику державы. Последнее, конечно, не выдерживает никакой критики, о чем со всей определенностью заявил Съезду известный советский экономист и публицист Николай Шмелев. Что и говорить: дела в кооперации действительно обстоят далеко не блестяще, это факт. Но вина в этом не только кооператоров, многое зависит от атмосферы, созданной вокруг них, от вмешательства в их деятельность министерств и ведомств, которые урезают их права, связывают по рукам, вносят в ряды кооператоров обеспокоенность и неуверенность в завтрашнем дне.

* * *

Где-то полтора-два года тому назад мне довелось побывать на постоянно действующей (постоянно же и закрытой для простого гражданина) выставке, которая разместилась на улице Куйбышева, близ Кремля. Начинена эта выставка товарами народного потребления капиталистических производств и рекомендована тем товарищам, которые ведают у нас, в СССР, ширпотребом. То есть прибывают данные товарищи в Москву, предъявляют разрешительные бумаги и расходятся вдоль стеллажей и стендов с блокнотиками в руках: что бы такое содрать с буржуйского товарца себе на пользу?!

Будем и дальше так — жить чужим умом и озарением?

Можно и дальше. Привыкли. В конце концов за это не бьют.

А вот Артем Тарасов, москвич, кандидат технических наук, решил иначе. Он сказал: «Полно! Мы и сами с мозгами!» И, порвав со службой в одном из НИИ, пошел в кооперацию. Он надумал собрать вот таких, как он, толковых неудачников — за три года работы в НИИ Тарасов получил 24 авторских свидетельства и за последующие пятнадцать сумел внедрить лишь одно — и наладить внедрение идей наших Ползуновых, Черепановых и Кулибиных... И за такими людьми, отметим с грустным оптимизмом, дело не стало, и под флагом кооператива «Техника» начала собираться удивительная команда. Тут были первоклассные электронщики, программисты невероятного уровня, непонятые технологи и просто люди с мозгами набекрень, так как только с такими мозгами и можно создать швейную машинку, могущую сшивать фанеру и превосходящую по всем статьям мировые достижения, или же пенометалл, или же прибор, в 10—12 раз ускоряющий реакцию жидкостей и т. д.

Да, скооперируйся такие мозги где-либо в Японии, так через пару лет «Техника» была бы в десятке процветающих компаний (уж если японцы делают миллионы на рубрике «Маленькие хитрости» из журнала «Наука и жизнь», то можно представить, какие условия были бы там созданы непосредственно изобретателям!). Но мы пока страна больше светлого будущего, чем восходящего солнца, и потому кооператорам пришлось рассчитывать сугубо на свои силы и смекалку.

Первые десятки тысяч рублей на счет кооператива поступили довольно-таки скоро: за ремонт вычислительной техники, информационное обслуживание населения и предприятий, за работы и услуги по программированию на ЭВМ и т. д. Но нужны были миллионы, десятки миллионов рублей! И тогда кооператоры задумали вот что: поскольку в стране люто недостает компьютеров, «Техника» решила взять на себя поставку этих компьютеров из-за рубежа. А на что их приобретать? А на неликвиды, отходы производства, по которым наша страна занимает абсолютно ведущее место в мире.

И с размахом развернулось дело. Не сворачивая прочих работ, кооператив заключил полторы сотни договоров с предприятиями и министерствами на поставку им компьютеров, а те, в свою очередь, перечислили «Технике» солидные авансы. И кооператив не подкачал, из-за рубежа поступила нужная, на вес золота, аппаратура, и к концу 1989 года чистый доход кооператива мог бы составить уже 130 миллионов рублей (кооператив не просто продавал компьютеры, он разрабатывал для них и программы, награждал интеллектом), но грянул скандал. Контрольно-ревизионное управление Министерства финансов СССР выявило в работе «Техники» серьезные, на его взгляд, нарушения: в частности, попытку получения правлением кооператива громадных сумм денег в личное пользование из авансов предприятий. Затем министр финансов СССР Б. Гостев через бюллетень «Аргументы и факты» (тираж почти 22 миллиона экземпляров) объявил стране, что кооператив в обмен на компьютеры сбагривал за кордон стратегическое сырье: деловую древесину, медь, минеральные удобрения... Появились статьи в «Правде», «Московской правде», в «Труде», то есть как бы выходило: никакие это не изобретатели скооперировались на радость отечественному прогрессу, а международные авантюристы, гоп-стопники недюжинной разворотливости и ума.

«Техника» начала агонизировать.

* * *

Трудна, страшновата стезя кооператора новой волны. Закон о кооперации еще был в зачаточном состоянии, а на кооператоров состоялось первое покушение: заработок свыше 500 рублей был обложен бешеным налогом. Затем народился Закон о кооперации, и за ним грянул державный Указ, которым были запрещены кооперативы, надумавшие открыть образовательные школы, заняться издательской деятельностью, изготовлением кино- и видеопродукции...

Вот в таких условиях постоянной правовой нестабильности призываем мы кооперативы шириться и множиться, вот эти условия и толкнули «Технику» на странный, подозрительный вроде бы поступок. На общем собрании кооператива в начале года было решено: поскольку пронзительно пахнет очередной репрессивной мерой, то, на всякий пожарный, надо перевести несколько миллионов рублей со счета кооператива на личные счета его руководителей. Под видом зарплаты. Решение это спорное. С одной стороны, на личные счета уйдут не только заработанные, но и авансированные деньги. Но, со стороны другой, решение было дальновидным и экономически верным: вскоре Госбанк СССР запретил прочим банкам страны выдавать на руки кооператорам больше ста рублей в день. Покупай что угодно и сколько угодно, но по безналичному расчету. А что можно купить, тем более сейчас, по безналичному расчету? Полкило издевательского смеха. Ну, кило гомерического хохота, если постараться. А ведь с кооператорами, уж как-то так сложилось, любят иметь дело, когда они рассчитываются наличными. И «Техника» тут не исключение, ей также нужны живые деньги, и в больших количествах.

Словом, выписали себе "зарплату" руководящие кооператоры аж семь миллионов; коммерческий директор «Техники» А. Писаренко решил заблаговременно заплатить партийные взносы, и кооператив выделил ему на эти цели 95 тысяч рублей, деньги у кооператива были. Писаренко взносы заплатил, в парторганизацию института судебных экспертиз, где работает постоянно, а вот миллионы кооператорам не выдали, остались в банке миллионы. Вместо денег кооператоры заполучили бригаду ревизоров КРУ, и слух о миллионных заработках кооператоров, что называется, прошел по всей Руси великой. Что интересно: через пять недель незаконный приказ Госбанка СССР о выдаче кооператорам лишь ста рублей в день был отменен.

А теперь о главном. Об остро фондируемом и стратегическом. На этих вопросах необходимо остановиться подробно, так как ни один из журналистов, критиковавших «Технику», с кооператорами не встречался, из чего можно сделать вывод, что материалы по душу «Техники» готовились по документам КРУ Минфина СССР. (Есть такая форма журналистской работы — писать по документам. Всегда прав, всегда аргументирован. А если наврешь, исказишь, то вот они бумаги. Какие ко мне претензии?! Все претензии к тем, кто эти бумаги готовил.)

Итак, «Техника» намеревалась выменять 1280 персональных компьютеров на 50 тысяч тонн трикальцийфосфата. 50 тысяч тонн — это много! Пусть ты и не знаешь, а что собственно такое — трикальцийфосфат, а все одно проникаешься обидой за державу и ненавистью к кооператорам. Но не будем спешить, послушаем, что скажет на этот счет начальник Главного производственного управления Министерства минеральных удобрений СССР, член коллегии министерства А. Алешин: «Лет десять тому назад была разработана солидная программа по животноводству, обеспечить которую в значительной мере должны были мы. И вот чем — кормовыми фосфатами. В различных точках страны были созданы мощности, и на сегодня сельское хозяйство насыщено фосфатами настолько, что Госплан СССР исключил их из госзаказа, предоставив предприятиям право находить покупателя и реализовывать ему продукцию».

— Могут кооперативы покупать трикальцийфосфат?

— И не только его. Но и дикальцийфосфат, и диаммонийфосфат. Этого у нас в избытке, производства работают не на полную мощь. Милости просим!

Так обстоит дело со стратегической кормовой добавкой.

Далее: кооператив намеревался отправить инофирмам (естественно, сам в прямой контакт не вступая, через внешнеторговые организации) 2 тысячи кубов деловой древесины.

Не знай и тут тонкостей, так опять сорвешься в ор: «Ату их, живоглотов! Вырубают леса на потребу буржуям!»

Но не будем спешить и в этом случае. Итак, к примеру, Минавиапром заинтересовался предложением «Техники» — поставить ему десяток первоклассных компьютеров. Заключен договор. Министерство переводит на счет

См. стр. 10. ►

Б. ПОЮРОВСКИЙ

НИКТО НЕ ХОТЕЛ ОТСТАВАТЬ, ИЛИ «ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДА!»

В октябре 1958 года в Москве, в Колонном зале состоялась Всесоюзная конференция работников театра, драматургов и критиков — первое представительное совещание времен хрущевской «оттепели». С основным сообщением выступил тогдашний министр культуры СССР Н. А. Михайлов. Доклад был подробный, обстоятельный, сочиненный многими авторами. Задача Михайлова сводилась к тому, чтобы более или менее выразительно прочесть его, ибо в вопросах собственно искусства он разбирался ничуть не больше, чем многие другие сталинские выдвиженцы 30-х годов.

Говоря о репертуаре драматических театров, Михайлов признал целесообразным продолжить контрпропаганду «их нравов» и поддержал некоторые москвские театры за постановку пьес прогрессивных зарубежных авторов, разоблачающих загнивающий Запад. В частности, он одобрил спектакли «Лиззи Мак-Кей» Жан-Поля Сартра в Театре имени Моссовета, «Шестой этаж» А. Жери и «Филумена Мартурано» Эдуардо де Филиппо в Театре имени Евг. Вахтангова. В них речь шла о незавидной судьбе американской, французской и итальянской проституток. «Но москвичи вправе спросить у мастеров столичной сцены, когда же наконец мы увидим образ и нашей,— тут докладчик сделал небольшую паузу, чтобы перевернуть страницу,— замечательной современницы?»

Мог ли кто-нибудь в ту пору даже предположить, что настанет время, когда на советскую сцену действительно выйдут не только импортные, но и отечественные шлюхи? Да еще в таком количестве?! Но если бы только они!..

Еще лет десять назад, будучи за границей, я увидел чеховского «Платонова», которого режиссер раздел до плавок, уложил на ковер и подверг нападению трех гурий, облаченных в прозрачные платья из струящихся тканей. Что они с ним выделывали!..

— Зачем это? — спросил я у режиссера.

— Как зачем? Платонов же импотент!

— Но не в медицинском плане.

— Откуда это известно?..

Потом к нам стали приезжать на постановку режиссеры из других стран, и мы постепенно начали «приобщаться» к мировой цивилизации. Одним из первых в этом деле преуспел С. Унковский из СФРЮ, когда в 1987 году поставил в Театре на М. Бронной «Татуированные души» Г. Стефановски.

— Там такое творится,— говорила театральная кассирша,— на сцене — половой акт! Берите билеты, они попали ко мне случайно: просто никто еще не знает, что это такое! Позже не попадете ни за какие деньги!..

Все, конечно, познается в сравнении. «Татуированные души» на фоне того, что мы вскоре увидели в других театрах, выглядели почти невинной детской забавой. Скажем, режиссер из США Марк Леймос, осуществляя в 1988 году в Театре имени А. С. Пушкина постановку пьесы Ю. О'Нила «Любовь под вязами», заставил хороших актеров ходить по сцене в костюмах... Адама и Евы. Все это смахивало на «незлостное хулиганство». Так же, как и у венгра Габора Жамбеки, показавшего недавно на гастролях в Москве талантливый спектакль «Ревизор» в исполнении артистов Театра имени Йожефа Катоны. В сцене объяснения Хлестакова с Городничихой летели в воздух отнюдь не чепчики, а трусики! Кроме того, много «интересного и поучительного» в этом плане дали нам и Дни театра Федеративной Республики Германии в Москве...

Но мода на эпатаж путем «обнаженки» захлестнула и наш театр. Более того, наши родные режиссеры как бы вступили в негласное состязание друг с другом. Если бы речь шла о каких-то дельцах и ремесленниках, не имевших представления о таких понятиях, как «культура» и «вкус», тогда еще полбеды. Но ведь в борьбу эту, к сожалению, оказались втянутыми самые что ни на есть передовые, прогрессивные художники, увенчанные всевозможными титулами и наградами!

— Неужели вам не понравились «Братья и сестры» у Л. Додина? Ведь это — один из лучших спектаклей последних лет? — спросил я как-то у коллеги.

— Безусловно,— ответила она.— Но меня смущает, что там слишком много времени уходит на всевозможные пикантные подробности. Надо больше доверять воображению зрителей, иначе мы неминуемо погрязнем в болоте натурализма...

Когда спустя год я смотрел у Л. Додина «Звезды на утреннем небе» А. Галина, слова эти вспомнились мне с особой очевидностью. Фантазия иных постановщиков уводит их в такие дебри, из которых не так-то просто выбраться. Ну зачем, к примеру, Г. Панфилову понадобилась по меньшей мере странная сцена в финской сауне, где оказались герои шекспировского «Гамлета»?

А что случилось бы, если бы исполнительница роли Маруси Холоденко в «Закате» И. Бабеля (Театр имени Вл. Маяковского) сняла ночную сорочку на полминуты позже? Неужели бы мы не догадались, зачем к ней поднимается Мендель Крик?

Малый театр — Дом Щепкина и Островского, цитадель добродетели и целомудрия, академия русской сцены, «второй Московский университет»! Чехова ставили здесь нечасто. Но вот недавно обратились к «Лешему». И что же открыл в нем режиссер Б. Морозов? Оказалось, Жорж Войницкий — не такой уж «одуванчик». Незадолго до самоубийства, улучив подходящий момент, он пытается силой овладеть Еленой Андреевной. Она же сама — тоже не промах: в последнем акте Елена затевает небольшую интрижку с... Вафлей.

Кто бы мог подумать?

МТЮЗ поставил «Записки из подполья» по Ф. Достоевскому. С этой целью пригласили режиссера К. Гинкаса. Что же мы увидели на сцене? Голую девицу, которая ничтоже сумняшеся встает с кровати в чем есть, берет в руки чайник, ставит за стеклянной ширмой таз и на глазах у всех спокойно приводит в порядок... интимные места. Тут уже идет эпатаж, как говорится, в особо крупных размерах! Исключительную пикантность сцене придает тот факт, что спектакль поставлен именно в ТЮЗе!

Впрочем, не отстают и «более взрослые». К примеру, в московском Театре имени Ленинского комсомола у Марка Захарова в спектакле «Мудрец» по А. Н. Островскому разыгрываются такие «пассажи», что некоторым западным режиссерам придется срочно мчаться к нам на стажировку. Что Глумов гуляет по сцене в чем мать родила,— это еще не большое достижение. А вот что и Мамаева норовит туда же,— это уже интереснее. К тому же она, слегка смущаясь, в другой раз запускает свою ручку ему в панталончики и после паузы с явным разочарованием отмечает, что он «сегодня не в форме»... Что Глумов делает с Мамаевой после этого, я и описывать не смею. И что обидно, все это происходит в спектакле талантливом, современном, злободневном!

Пишу и думаю: могли бы, к примеру, Станиславский или Мейерхольд предложить своим актерам появиться на сцене в подобном виде? Не говорю уже о великих, но о любой начинающей актрисе или актере без всякого положения?! Ведь у каждого из них, воспитанных в определенной среде, при всех очевидных деформациях нашей жизни, есть мужья, жены, дети, родители.

Мне рассказывали, как известная актриса со слезами на глазах буквально умоляла режиссера разрешить ей на одном-единственном представлении отменить наиболее рискованную мизансцену, чтобы она смогла пригласить на спектакль своего пятнадцатилетнего сына. Но режиссер был неумолим: «Что же, я в угоду одному должен принести интересы тысячи других, кто уже наслышан об этом моменте?»

К сожалению, мы часто забываем о национальных традициях именно в тех случаях, когда это особенно важно. О каких глубинах человеческого бытия поведали миру русские классики! Но при этом разве приходило им в голову зарабатывать интерес к своим произведениям, обнажая своих героев буквально, преступая нравственные нормы?

Многие считают, что все эти явления — временные. Что они — естественная реакция на всевозможные ограничения, своеобразная «детская болезнь» левизны современного театра. Дал бы Бог, чтоб так оно и оказалось!

Но и заметки эти — тоже дань времени, возможность высказать альтернативную точку зрения без опасения «оргвыводов» и для режиссеров, и для автора статьи: никто не хотел... отставать!..

В НАШЕМ ЦЕХЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ ВАРАКИНА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Отчет о командировке

«Кинодраматургу Александру Бородянскому и режиссеру Карену Шахназарову, авторам новой картины «Город Зеро» («Мосфильм»).

Я, Варакин А. В., нижеследующим выражаю свой решительный протест и глубокое возмущение по поводу всего того, что мне довелось испытать и пережить во время служебно-творческой командировки, в которую я по вашей милости угодил. Приняв вполне желанный и надежный для любого командированного облик артиста Леонида Филатова, я отправился по вашему, уважаемые авторы, заданию в провинциальный город Зеро на местный завод, чтобы с присущим мне упорством и ловкостью выбить непонятно зачем понадобившиеся вам «модернизированные панели».

Увы, сразу по прибытии я убедился, что Богом забытый городок явно не оставил своими заботами дьявол. Моя маленькая «дьяволиада» началась еще в приемной директора, где совершенно голая секретарша говорила со мною так, словно движение нудистов одержало у нас в стране полную и окончательную победу. А продолжалась беседа в кабинете, где директор, жуковато смахивающий на Армена Джигарханяна, проявил полную неосведомленность о печальной участи своего главного инженера, как выяснилось, скончавшегося полгода назад.

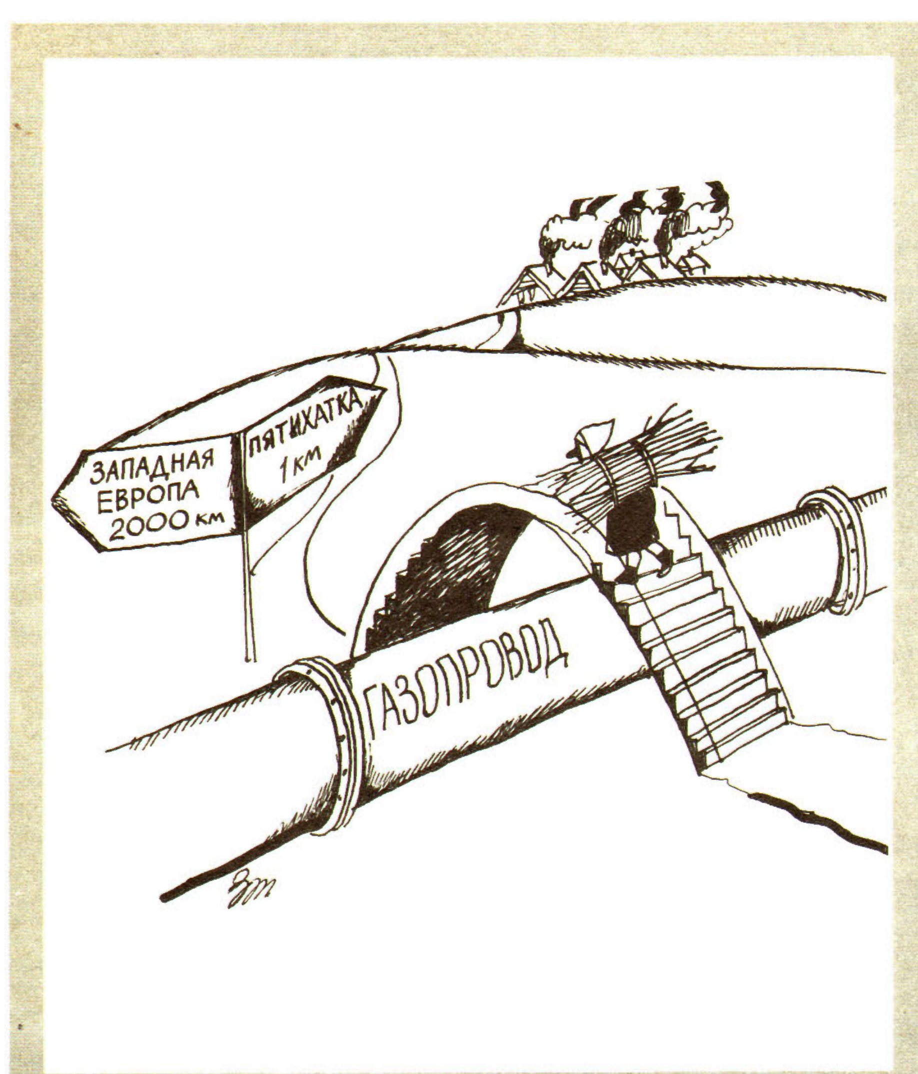
Это бы ладно! Дальше началось такое, что и самому Кафке в страшном сне бы не приснилось. Повар местного ресторана выпек торт в виде моей собственной головы — это при скудости-то провинциального меню! После чего кудесник-кондитер там же, на кухне, и застрелился, а меня провозгласили сыном этого многострадального человека, претерпевшего долгие и тяжкие гонения за любовь к рок-н-роллу и пропаганду буржуазного танца, грозившего подорвать нашу идеологическую основу. А еще попал я в местный краеведческий музей, и его экскурсовод, поражающий сходством с Евгением Евстигнеевым, продемонстрировал мне какой-то псевдоисторический паноптикум. Попробуй останься в своей тарелке, когда видишь знаменитую кровать Аттилы по соседству с изображениями первого в городе исполнителя рок-н-ролла и первого секретаря горкома ВЛКСМ, исключившего его из комсомола! А председатель ревкома Зверев, ударно ликвидировавший императорскую фамилию, а потом ударно трудившийся зеком на строительстве Беломорканала? Чур меня, чур! Как вы понимаете, на фоне этих «экспонатов» появление нормальных зеровчанских граждан несколько обнадежило. Но не тут-то было! Следователь, смахивающий на Алексея Жаркова, почему-то заподозрил меня в убийстве. Молчаливый прокурор, бывший гонитель моего псевдопапаши-рокнроллщика, вдруг предпринял попытку прилюдного самоубийства, так как все вокруг плясали рок, а он, как известная вам преподавательница, не мог поступиться принципами (кстати, в бреду мне показалось, что прокурор на одно лицо с артистом Владимиром Меньшовым). Ну а когда матерый исполкомовский работник с лицом Петра Щербакова, уцелевший, кажется, после всех чисток со времен Учредительного собрания, проявил себя рьяным сторонником роковых традиций, я окончательно понял, что либо немедленно выберусь отсюда, либо немедленно сойду с ума.

Уважаемые авторы! Ваша слава создателей таких фильмов, как «Мы из джаза», «Зимний вечер в Гаграх» и «Курьер», все же не дает вам права так измываться над героем, по собственному произволу забрасывая его в абсурдный, мистический, хотя и талантливо, остроумно снятый мир. И если вы, как и наиболее дотошная часть зрителей, станете утверждать, что эта дьявольская фантасмагория не так-то уж сильно отличается от нашей многолетней реальной повседневности, я лишь посетую по отмену поправок к уголовному законодательству, предусматривающих за дискредитацию три года пребывания в местах, по сравнению с которыми город Зеро покажется курортной зоной!

Убедительно прошу вас впредь в подобные поездки меня не посылать. Для выбора места следующей командировки настоятельно рекомендовал бы вам еще раз пересмотреть такие картины, как «Кубанские казаки» и «Светлый путь». В крайнем случае что-нибудь из жизни американских миллионеров в окрестностях Майами. А в город Зеро езжайте сами.

А. Варакин, снабженец-толкач».

С подлинным верно: Г. СИМАНОВИЧ.

Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО, г. Харьков.

Р. САМОЙЛОВ, В. ТИЛЬМАН (тема).

М. АБРАМОВ.

Г. ЧЕГОДАЕВ, г. Челябинск. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

Чего-то непонятное происходит с правильной точкой зрения. Еще совсем недавно она была одна, и овладение ею не стоило никаких трудов: достаточно было внимательно читать передовые статьи и основополагающие вступления. И вдруг оказалось, что правильными могут быть несколько мнений, притом противоречащих друг другу.

Это заставляет по-новому взглянуть на неправильные высказывания. Может быть, они тоже нужны? Ну хотя бы для того, чтобы правильному жилось легче. Исходя из этой верной (или неверной) предпосылки, Крокодил решил предоставить слово для нескольких выступлений Владимиру Надеину. В начале 70-х годов он был уволен из крокодильских рядов за высказывание ошибочной точки зрения о недопустимости разворовывания колхозного добра высокопоставленными гражданами Полтавской области (см. фельетон «Так про что это мы?» № 9, 1970 г.). Спустя несколько лет выяснилось, что воровать из колхозной кладовой продукты все-таки грешно. Позиция автора из неправильной стала правильной, что сделало В. Надеина одним из специалистов по высказыванию глубоко ошибочных воззрений, в которых есть рациональное зерно.

Редакция надеется, что заблуждения, в изобилии допускаемые В. Надеиным, помогут читателям увидеть текущие события в кривом зеркале, но в правильном свете.

Владимир НАДЕИН

МИНИСТР ДЛЯ ПОРТФЕЛЯ

Состоявшееся накануне Съезда народных депутатов СССР заседание союзного правительства, транслировавшееся по телевидению, вызвало у многих моих знакомых вздох облегчения. Хотя министры не складывали с себя полномочий в тот самый момент, все равно неизбежность разлуки вызывала светлые слезы вдохновения.

Оставалось потерпеть несколько недель, чтобы прояснились имена тех, кому из сотни благородных мужчин предстоит и впредь влачить высокое ярмо министерского служения. Страна у нас, как известно, азартная. Уж на что ленивы футболисты, не только в раздевалках, но и на поле предающиеся мечтам о западных гонорарах. Но и их игра вызывает подобие ажиотажа. Многие даже рискуют своими деньгами в спортлото.

А тут — министры. Они, правда, тоже куда беднее своих западных коллег. 800 руб. в месяц — на уровне пособия уважаемому безработному в Калифорнии. Но в Калифорнии свои представления о бедности. У нас свои — о богатстве.

Словом, министром у нас быть пока еще выгодно.

А потому прогрессивная общественность с замиранием сердца следила за тем, кого из кандидатов в правительство «зарубят» в Верховном Совете.

С самого начала было ясно, что очень тяжело в этом состязании придется тренерам команд «Мелиоратор» и «Неконвертируемый рубль». О первом говорить не стоит — слишком много уже сказано. Что же касается Б. И. Гостева, то он настолько запутался в голах, очках и миллиардах, что в заявочном листе его не оказалось. В самом деле, еще полгода назад, докладывая проект бюджета на сессии бывшего Верховного Совета СССР, он авторитетно заявил, что наши военные расходы составляют всего 36,3 миллиарда рублей. Наверное, так ему доложили подчиненные. Прошло всего полгода, и уже начальники Бориса Ивановича торжественно провозгласили, что на оборону тратится 77,3 миллиарда. Это уже не процент туда, процент сюда. Это рождает не вопросы, а готовые ответы: Поскольку каждому ясно, что боевые миллиарды можно сэкономить только на тихом, как лабораторная морская свинка, народном благосостоянии: пенсиях, стипендиях, здравоохранении...

Бьюсь об заклады, что расстроенность финансов не отразится на размере персональной пенсии Б. И. Гостева. Да и не ею пробита брешь в бюджете.

Всем известна классическая цитата, согласно которой бюрократизм следует «брать» по всем правилам военного искусства. Тут годятся и глубокоэшелонированная оборона, и широкие «клещи», и затяжная окопная война. Но лучшее оружие — внезапность. Дерзкий массированный удар без предварительного объявления боевых действий.

Согласно официально утвердившейся легенде, главным источником бюрократизма у нас были министерства. Сокращение их количества на целых 25 штук вызывает волну народной симпатии к реорганизаторам. Впечатление такое, будто упразднение Агропрома открывает прямой путь к изобилию сосисок, а ликвидация Министерства культуры автоматически ведет к расцвету талантов и отмене трамвайной ругани.

Стоглавая гидра административно-командной системы легко перенесет ампутацию четверти самых непопулярных щупалец. Можно сколько угодно ликовать по поводу того, что 62-летний М. В. Грамов, вновь рекомендованный главой правительства для возглавления Комитета по силе, скорости и цветущей молодости, сгорел в горниле предварительного обсуждения.

Тут восторжествовала справедливость: сила спортивных скандалов могла соперничать только с немощью массовой физкультуры. Но тут же царила неблагодарность: никогда наши не имели столько медалей, как на Олимпиаде в Сеуле. И было это тоже при М. В. Грамове.

Так за что министрам такая судьбина? За то, что они делали? Или за то, что делалось при них?

Лично я верю в административно-командную систему. Она себя еще покажет. Выбрасывая за борт балласт из 25 министерств, она обретает ореол новаторства. Упраздненные ведомства юркнут под крышу сохранившихся, а отданные на съедение демократии министры как-нибудь перебьются на почетных пенсиях или очередных высоких должностях. Вспомним, что за последние полвека шесть раз сливались и разливались Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности с Министерством промышленности бумажной. О результатах можно судить хотя бы по тому, что никогда за всю свою историю страна не была обеспечена даже туалетной бумагой.

Хотя ряд министров признался, что о ликвидации своих министерств они узнали чисто случайно — кто от шоферов из Совмина, кто по телефону от родственников,— эффект внезапности не поверг их в панику. Чего, увы, не скажешь о рядовых ведомственных работягах, честно исполнявших свой бюрократический долг.

Да, никто никому ничего официально не сообщал об упразднении министерств. Только слухи, жуткие слухи витали над 25-этажными бетонными коробками Нового Арбата. О чем только не говорили служащие, сбегаясь целыми главками в места для курения!

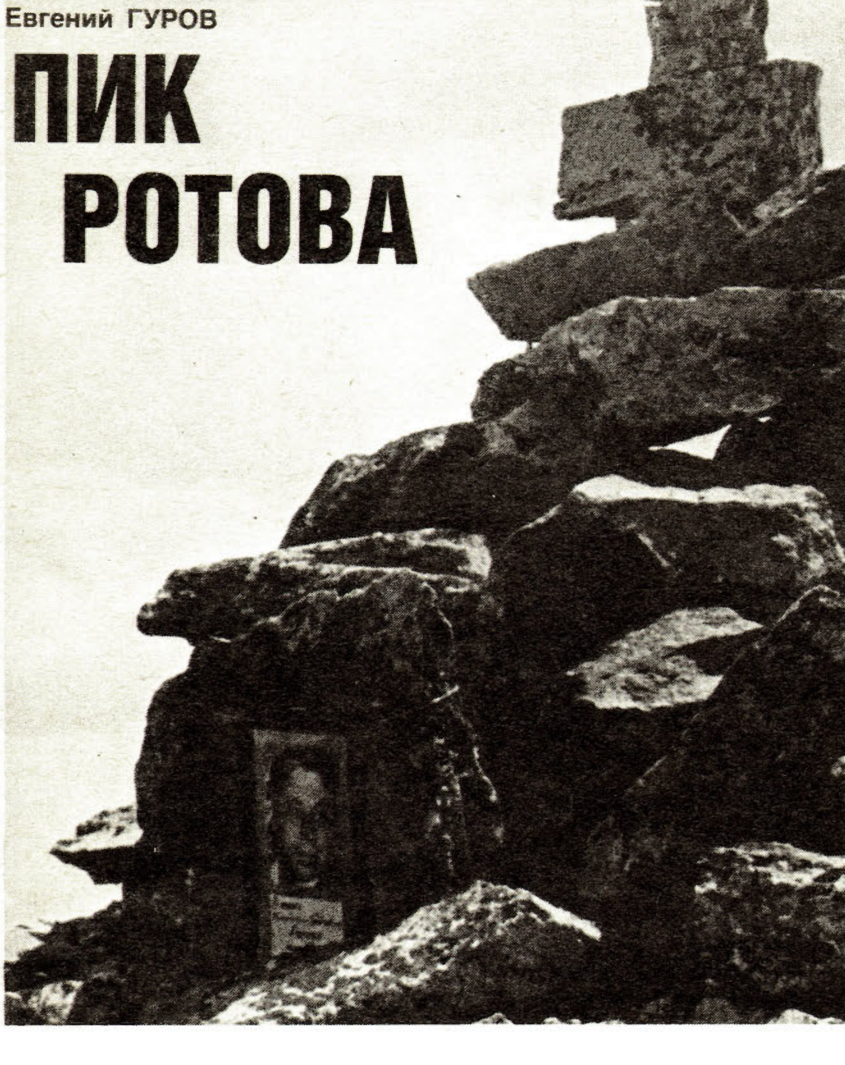
Но когда развеялся табачный дым, развеялись и легенды. Министерства упразднялись без оглядки на былые заслуги. Сопровождаемые улюлюканьем общественности 10 тысяч служащих из 25 министерств внезапно остались без работы.

Плывя в струе наследственной жестокости, рожденной чистками и показательными процессами, можно до ломоты в ладонях аплодировать тому, что головы министерских служащих тысячами катятся с эшафота реорганизации. Но я думаю не о десятках тысяч, а об одном. Об одном конкретном человеке, о 45-летнем 180-рублевом служащем, которого внезапно выбросили из привычной жизни. Конечно, в целях экономии. Разумеется, для общего блага. Теперь он будет лихорадочно обивать пороги сопредельных контор, а по вечерам со стыдом отводить очи от укоризненных взоров материально зависимых членов семьи.

Возможно, светило командной системы уже на закате. Но последними своими лучиками оно успевает согреть тех, кто довел до ручки министерские портфели. На прочих калоража уже недостает.

Евгений ГУРОВ

ПИК РОТОВА

Мне позвонил Виталий Стацинский из «Веселых картинок»:

— С тобой хочет познакомиться Ротов.

Я ответил длительной паузой. Просто, как сказал классик, «в зобу дыханье сперло». Со мной хочет познакомиться Ротов! Ротов, рисунки которого я знаю с детства. Вырезал их из «Крокодила» и других журналов. Ротов, который так здорово проиллюстрировал «Капитана Врунгеля» и «Старика Хоттабыча»!

На другой день я познакомился с Константином Павловичем.

— Мы с твоим папой знакомы были давно,— сказал карикатурист.— По Союзу художников. А вот подружились в Северо-Енисейске. В ссылке. А до того по 8 лет провели в лагерях. Я в Соликамске, а папа твой на Колыме. В Северо-Енисейске у нас была хорошая, дружная компания. И комсомольский руководитель, и инженер, и даже протоиерей... Папа твой работал в клубе художником. Я тоже там подвизался. Мы как могли старались скрасить быт ссыльнопоселенцев. Устраивали в клубе веселые встречи Нового года. Даже с карнавалами. Однажды украсили зал дружескими шаржами на ссыльных и даже на местных милиционеров. Я нарисовал, а папа сочинил эпиграммы. Все очень веселились. А на другой день пришел Саша бледный и расстроенный: «Как бы нам, Костя, снова в лагерь не угодить. Разговоры идут по городу, что шаржи наши — издевательство над работниками советских органов милиции». Но, к счастью, разговоры скоро стихли и все обошлось...

Я стал бывать у Ротова. Лагерь и ссылка не убили в нем огромного чувства юмора. Интереса ко всему новому и просто мальчишеской любви ко всякой технике.

Построили новый мост в Лужниках — и Константин Павлович поехал посмотреть. Появились кухонные комбайны — и Константин Павлович немедленно приобрел. Сам возился с комбайном. Впрочем, недолго. Что-то случилось с этой замечательной машиной, и она стала расшвыривать мясной фарш по всей кухне. К великой, впрочем, радости Кисы-Муры, ротовской любимицы.

Новый фотоаппарат оказался непригодным для съемки с близкого расстояния, а Ротову, обожающему все живое, надо было снимать и насекомых. Муравьев, к примеру. И пришлось купить другой аппарат. Более совершенный.

Я не расспрашивал Константина Павловича о пережитом, но иногда в разговоре он касался этой темы:

— Когда меня арестовывали, уходя из дома, я сказал своим, что вины за мной никакой нет. Что, конечно, во всем разберутся, и я скоро вернусь домой...

Точно такие слова я услышал от отца. Теперь-то я знаю, что с этими словами уходили миллионы людей. Но возвращались они очень не скоро, а многие не вернулись вовсе.

Константин Павлович рассказывал:

— Следствие вел Влодзимирский — высокий, стройный красавец. Он сажал меня перед собой. Придвигал к моему лицу настольную лампу и направлял свет мне в лицо. Мощная лампа так сильно светила и грела, что, казалось, вот-вот глаза лопнут. Потом он снимал с руки часы и аккуратно клал их на стол. Я знал — будет бить. А он не просто бил, а пытал, да так, что и вспоминать об этом страшно. Иногда он на сутки(!) запирал меня в маленькую камеру-шкаф. Там не то что лечь, сидеть было нельзя. Только стоять. Сутки... Одно время он держал меня в одиночной камере. Для меня это тоже было пыткой. Я тяжело переносил одиночество. Чтобы не сойти с ума, рисовал маленьким обмылочком на брюках. Стирал нарисованное и снова рисовал...

— Я человек не злой,— говорил Константин Павлович,— но этому красавцу я желал смерти. И бог услышал мои молитвы. Вслед за Берией в числе других был расстрелян и мой следователь... Однажды в камеру мне принесли чистую рубашку и приказали надеть. Через некоторое время повели куда-то. Привели в большой кабинет. Огромный письменный стол. Массивные кресла. В выдвинутом ящике стола видны резиновая дубинка и пистолет. Неожиданно открылась дверь, которую я сначала не заметил, из нее появился Берия. Он долго рассматривал меня. Потом спросил: «Почему вы не в партии?» — и, не дожидаясь ответа, ушел. Видно, наркому любопытно было взглянуть на карикатуриста — «врага народа», ордер на арест которого он собственноручно подписал.

В комнате у Киры Владимировны — вдовы Ротова — висит его портрет. Товарищ по лагерю — Константин Иванович Лебедев — изобразил Константина Павловича с котом на руках. Кота звали Мордафон. Всеобщий любимец доставлял заключенным много радости. Но беднягу Мордафона постигла трагическая судьба. Он был съеден. И съеден был, что особенно обидно, любителем поэзии. Старик, убивший Мордафона, никогда не расставался с томиком стихов древнегреческих поэтов. Одним словом, был он интеллигент и лирик и поступил так с Мордафоном, конечно же, не от хорошей жизни.

— Когда укладывались спать на нарах, одежду клали под голову,— рассказывал Константин Павлович,— чтобы целее была. И все-таки у меня украли любимую рубашку. Огорчился я очень. Подходит «пахан»: «Что случилось?». Я рассказал. «Найду!» — сказал «пахан». Повернулся и ушел. Вечером ко мне подошел уголовник с огромным синяком под глазом и вручил мне мою рубашку: «Вот. Велено вернуть...» Что «политические» меня уважают, я знал, но что и уголовники...

В Соликамске отбывал срок известный конферансье Алексеев. Этакий аристократ. Получив пайку хлеба и миску баланды, он не принимался за еду, не расстелив на коленях вместо салфетки давно не белый носовой платок. Как-то, ведя концерт для заключенных, Алексеев, обращаясь к залу, пошутил: «Мы все тут дети. Нам всем от пяти до пятнадцати». Гонораром за шутку была нешуточная добавка к сроку...

— В 1948 году я отбыл свой лагерный срок. В Москву меня не пустили. Прописали в Кимрах,— рассказывал Ротов.— Тем не менее я часто бывал в Москве. Иногда даже оставался ночевать, чего делать не полагалось. Однажды ночью раздался звонок. Вошли двое: «Живущие — все прописаны?» «Все!» «Проверим!» И пошли по комнатам. За ними в квартире появилась дворничиха. За ней понятые. И, конечно, обнаружили меня. А обнаружив, арестовали... Когда я оделся и был готов идти, жена старшего брата сказала: «Костя, у тебя на пальто оторвалась пуговица. Снимай, я пришью». И она сказала это так категорично, с такой уверенностью в своей правоте, что люди, которые могли увести человека не только без пуговицы, но и без пальто, послушно сели на диван и терпеливо ждали, пока Лидия Ивановна не спеша делала свое дело.

* * *

Повторю: пройдя круги ада, Ротов остался веселым и жизнерадостным человеком.

Прихожу как-то, вешаю пальто в прихожей, а из комнаты Константина Павловича раздается веселый смех, точнее, хохот.

— Знакомься,— говорит Константин Павлович,— это бывший главный инженер Шатурской электростанции. Знаешь, чего мы смеемся? Вспомнился один случай. Гнали нас этапом. Когда проходили через деревни, сердобольные люди кидали нам то хлеба кусочек, то картофелину вареную. Конвоиры на это смотрели сквозь пальцы. Но почему-то бдительно следили, чтобы соли нам не передали. И вот конвоир заметил, что соли кулечек кто-то бросил. Прошли мы деревню, и остановили нас в чистом поле. Приказали раздеться и разуться. И стали одежду нашу обыскивать. Вот и вспомнили мы, как плясали голые на снегу. Какие коленца выкидывали, чтоб не закоченеть. Мороз-то был тридцать да с ветерком. А соли не нашли. Видно, померещилось конвоиру.

Рассказывая о тюрьме или лагере, Константин Павлович почти не пользовался жаргоном тех мест. В речи его очень редко мелькали «шмоны», «вертухаи», «паханы» и прочее.

— Хуже всего в лагере приходилось людям необщительным и тем, кто юмора не любит и не понимает,— говорил он.— Вот был в лагере нашем молодой парень. Эстонец. Тяжелоатлет. Мастер спорта. Богатырь. По-русски говорил очень плохо. И, видно, поэтому друзей в лагере у него не было. И давило на него одиночество и сознание «отсутствия состава»... Чах он на глазах. Погиб буквально за два месяца.

— А вот другой пример,— продолжал Ротов,— когда я еще был подследственным, в одной камере со мной сидел пожилой профессор. Он страшно был подавлен тюремной обстановкой, методами следствия. Жаловался мне: «Константин Павлович! Не могу я привыкнуть к своему унизительному положению. К тому, что в уборную меня провожает офицер. И пока я там, я не могу закрыть дверь. А он стоит передо мной и наблюдает. А потом дает мне клочок газеты и, предварительно заглянув в унитаз, спускает воду... Ужасно все это...». «Ну, что вы, профессор,— я ему говорю,— это же прекрасно. То, что офицер стоит у открытой двери,— это ж он заботу проявляет. Смотрит, удобно ли вам. Ну, а что в унитаз заглядывает, так это от того, что работа вашего желудка его беспокоит. Здоровье ваше его волнует. Ну, а воду сам спускает, чтобы вас не затруднять».

И первый раз после ареста профессор улыбнулся. «Очень,— говорит,— вы меня утешили, Константин Павлович. Если научусь смотреть на все вашими глазами, то, глядишь, и выживу!..»

— Между прочим, в лагере,— рассказывал Константин Павлович,— я узнал, как я знаменит. Ко мне подходили товарищи по несчастью и спрашивали, не тот ли я Ротов, который нарисовал «скандал на кухне».

— Как-то,— вспоминал Ротов,— старшина заказал мне ковер. Он принес байковое одеяло, которое я должен был разрисовать. Старшина подробно рассказал сюжет. Сзади, слева — море. В море лодка с парусом. Сзади, справа — горы. На вершинах — снег. На первом плане действующий фонтан. У фонтана со сходством (старшина принес фотографию) должна быть изображена его любимая девушка. Рядом играет патефон. На пластинке меленько написано название любимой девушкиной песни. Над ней летит голубь, который держит в зубах(!) письмо от старшины, о чем говорит надпись на конверте. Заказ я выполнил. Старшина был доволен, я получил великолепный гонорар: полбуханки черного хлеба. Правда, одно условие я не выполнил. Но старшина на зубах не настаивал...

* * *

— Константин Павлович, я тут перелистывал старый журнал «Искусство». Там были репродукции двух панно для советского павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Там среди фамилий живописцев увидел фамилию «Ротов». «Это уж не вы ли?» — спросил я, уверенный, что речь идет об однофамильце.

— Представь себе, я. Панно написаны по моим эскизам. За двое суток я сделал их акварелью, причем все персонажи с портретным сходством.

После этого разговора я снова разглядывал репродукции.

А на панно были десятки людей. И Папанин, и Качалов, и Стаханов, и Дуся Виноградова... На двух панно — человек семьдесят!

Как-то Константин Павлович сказал мне:

— Вчера получил письмо от Н., человека, который оговорил меня на допросе. Показания его были причиной моего ареста. Однажды встретились с ним в пересыльной тюрьме. Он слезно просил прощения. Даже на колени становился. Но не смог я его простить... Потом он приезжал в Москву, но ко мне зайти не решился. Мне позвонил Коля Соколов и сказал, что Н. хочет меня видеть. Я сказал Коле, что зла этому человеку не желаю, но что видеть его не хочу. Не могу... А теперь вот письмо... Снова просит прощения. Нечего мне ему ответить. Ничего я ему не напишу...

— Константин Павлович, как вас встретили коллеги, когда вы появились в Москве, отбыв срок? — спросил я.

— Откровенно говоря, не все стремились со мной встретиться. Ведь я еще не был реабилитирован... Первым ко мне пришел Бродаты, Лев Григорьевич. Держался он так, как будто не восемь лет прошли с последней нашей встречи, а пара дней. Он пришел и сказал: «Константин Павлович, когда вы были у меня, вы забыли папиросы». Он достал из кармана начатую пачку. Это были папиросы, выпуск которых прекратился перед войной. Он хранил их восемь лет! Пока жив, буду помнить...

* * *

— Когда мы были молоды,— рассказывал мне Ротов,— мы очень много работали, но и отдыхали весело. Какие вечеринки закатывали. Животы потом болели, но не от съеденного и выпитого, а от того, что смеялись много.

Продолжение следует

Продолжение следует

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ РОТОВА К. П.

К. РОТОВ
АВТОШАРЖ

В 1922—1923 годах начал работать в журнале «Крокодил» и постоянно в нем печатался до 1940 года.

За этот период был сотрудником многих журналов и газет.

Сейчас мне трудно вспомнить все названия изданий, но вот приблизительный их перечень: «Правда», «Рабочая газета», «Комсомольская правда», «Гудок», «Прожектор», «Огонек», «Смехач», «30 дней», «Лапоть» и др.

Кроме работы в прессе, участвовал во многих художественных выставках — как отечественных, так и зарубежных...

...С 1920 по 1940 год проиллюстрировал много книг. Вот только часть из них: сказки Андерсена, сказки братьев Гримм, сказки Салтыкова-Щедрина. Книги советских писателей: К. Чуковского, С. Михалкова, А. Барто, Ильфа и Петрова, В. Катаева, И. Уткина и др.

Работал и над оформлением театральных постановок.

В 1940 году был арестован по ордеру Берии и пробыл в ИТЛ до 4 января 1948 года. По возвращении я начал работать над иллюстрациями к роману А. Франса «Современная история», над детской книгой С. Михалкова «Дядя Степа» и над сказками Пушкина.

Завершить начатое не удалось, так как без предъявления каких-либо обвинений был отправлен на бессрочное поселение в С.-Енисейск.

В 1954 году решением военной коллегии Верховного Суда СССР был от ссылки освобожден и полностью реабилитирован...

К. РОТОВ

БУДНИ ОБЩЕЖИТИЯ, 1927 г.

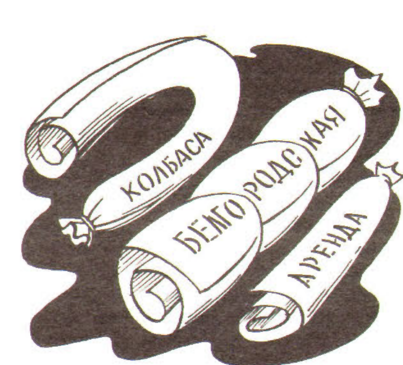
Валерий ДЕКОВ, специальный корреспондент Крокодила

ДРУЖНО И С ПЕСНЯМИ

ПРОВАЛИЛАСЬ АРЕНДА НА БЕЛГОРОДСКОМ МЯСОКОМБИНАТЕ

Нынче аренда в моде. Нынче только об аренде и толкуют. И все равно неожиданно, словно выстрелом, прогремело из Белгорода: «Впервые в стране! Коллектив Белгородского мясокомбината взял предприятие в аренду».

Надо ли говорить, что Крокодил немедленно отрядил туда своего корреспондента. Ведь аренда — это как раз тот экономический рычаг, который переведет стрелку производства колбас, сосисок и копченостей на рельсы личной инициативы и заинтересованности, хозяйской сметки и предприимчивости. Это тот волшебный сезам, который распахнет дверь в пещеру с мясными сокровищами.

— Аренда? Это замечательно. Это то, что нам позволит покончить с расточительностью, нарушениями производственной и трудовой дисциплины, выведет предприятие на новый виток развития,— обрадовал спецкора директор комбината Н. Ермола.

— Аренда? А что это такое? — огорошила вопросами миловидная обвальщица мяса. (Для несведущих: обвалка — срезание мяса с костей, тяжелейшая, малопроизводительная и, к сожалению, пока не поддающаяся механизации ручная операция при переработке туш животных на мясокомбинатах. На этой операции, как правило, работают женщины.)

— Если это — вкалывать до синих мух в глазах и ломоты в коленках, тогда я уже двадцать лет на аренде,— энергично сказала ее соседка по столу, ловко орудуя при этом здоровенным ножом.

А про ту аренду, на которой работники, показывая чудеса производительности, распоряжаются прибылью по собственному желанию, они только в газетах читали, потому как у себя, сколько ни соскребай мяса с костей, больше чем на 170 рублей не соскребешь — расценки-то низкие. И не чувствуют они новаций, даже зарплату отказались получать по-новому — от дохода: не видят для себя от аренды перемен к лучшему. На вопрос же, зачем вверх руку «за» тянули, плечами пожимают.

Да и как им эти перемены увидеть, если, по признанию директора мясокомбината (после того, как утихли восторги по поводу знакомства с представителем столь славного журнала и начался деловой разговор), администрация пришла к людям лишь с бумажкой договора: не смогла под него предложить ни хорошей, производительной техники, ни даже обещаний более или менее приличной зарплаты. Ведь предприятию с почти 6-миллионным доходом после всех расчетов с государством, затратами на текущий ремонт и приобретения фондового оборудования придется пойти по миру с протянутой рукой — добирать денежки на социальные программы. А что прикажете делать? Общежитие на 60 квартир достраивать надо? Надо. Колбасный цех и энергоузел (старые вконец разваливаются) проектировать надо? Надо. Территорию благоустраивать надо? Надо...

Мясокомбинату хватило бы средств с лихвой и на «карманные» расходы осталось, если бы не постановление ЦК КПСС и Совмина СССР 1987 года за № 1428, по которому ему как предприятию, работающему на полном хозрасчете и самофинансировании, надобно раскошелиться в текущем году на 470 тысяч целковых в «централизованные фонды и резервы вышестоящих организаций». Ну как, спрашивается, при такой экспроприации сформироваться хозяйскому чувству? Какая же тут самостоятельность, если «сверху» командуют, кому сколько за что и на что давать? Будь все иначе — можно не сомневаться, коллектив хорошенько бы подсчитал, нужны ли ему и в каком объеме руководящие услуги арендодателя Белгородмясоагропрома, в чьи фонды он должен отстегивать свои кровные.

Неужели областные руководители не чувствуют, что то, о чем они бухнули в рельсу на всю страну, есть не что иное, как окруженный со всех сторон рогатками ведомственных предписаний обычный хозрасчет, где пока всех достижений — чековая система внутрикомбинатовских расчетов между подразделениями да право распоряжаться численностью работающих в пределах фонда заработной платы? Вот и директор при расшифровке аренды только о чековых расчетах и заводил речь. Неужели не понимают, что аренда тогда становится новой формой производственных отношений, когда арендатор не только экономически самостоятелен, но и защищен от указующего перста вышестоящих контор, когда на его натруженном хребте не сидят ведомственные диктаторы с ложкой?

Нет, не арендаторы белгородские мясообработчики на своем предприятии. Не хозяева. Ну где это видано, например, чтобы арендатор прогуливал или крал свою же продукцию? Между тем на белгородском мясокомбинате за первые четыре месяца работы на аренде (с ноября 1988 года по февраль нынешнего) было поймано за руку 52 несуна.

— Мы не боимся того, что вы там у себя напишете. Мы вообще ничего не боимся,— так встретил спецкора Крокодила председатель Белгородагропрома В. Булыгин.— Единственно, чего бы хотелось, так это объективности. А она такова: из-за нехватки мясоперерабатывающих мощностей в области ежемесячно не успевают переработать около 2000 тонн скота, теряется за счет его передержки 18 000 тонн драгоценных кормов, 30 млн. рублей дохода. Потому-то мы и стоим за аренду как за единственно реальный на сегодня путь резкого увеличения производства мясопродуктов и будем теперь переводить на нее все мясоперерабатывающие предприятия области.

Что аренда нужна — кто спорит. Но ведь, повторюсь, то, что имеется сегодня на Белгородском мясокомбинате, вопреки высоким утверждениям, вовсе не аренда, а, извините, ее профанация. Я уже не говорю об экономической стороне дела: коль скоро мясокомбинат производит продукцию, то он сам должен ею и торговать. Не распределять по фондам и нарядам, а именно торговать. За деньги! С юридической стороны тоже немало вопросов набегает. И первый из них: имеет ли юридическую силу сам договор об аренде между Белгородским мясокомбинатом и объединением Белгородмясоагропром? Юрисконсульт областного агропрома В. Шевченко, человек в профессиональном плане весьма квалифицированный, считает, что не имеет, потому что объединение не держатель материальных ресурсов, а лишь руководящий орган. Держателем же материальных ресурсов выступает государство, которое и должно передать их в пользование коллективу мясокомбината. Представляете, какая интересная ситуация сложилась: мясокомбинат сам с собой договор об аренде заключил.

Белгородских аграрников понять можно. Кому охота убытки нести? А тут еще и указ об аренде вышел. Дело это вроде прогрессивное, есть возможность отличиться, в передовики выскочить. Только вот зачем же так беззастенчиво с хорошей идеей обращаться? Пользы-то никакой — одна дискредитация. Ведь оттого, что аренду прокричали, мясокомбинат производительней работать не стал. Это и его директор признает.

— Если честно, не для печати,— признался мне при последней встрече Н. Ермола,— я на этот эксперимент с охотой пошел: вдруг под него чего дадут — дыры залатаем. И, знаете, дали: металл и стройматериалы для цеха пельменей, автобус, экскаватор, молоковоз, бортовой ГАЗ-53. А так, я ведь понимаю, нам до настоящей аренды, о которой экономисты толкуют, еще плыть и плыть. Но и эта хороша, особенно чековой системой.

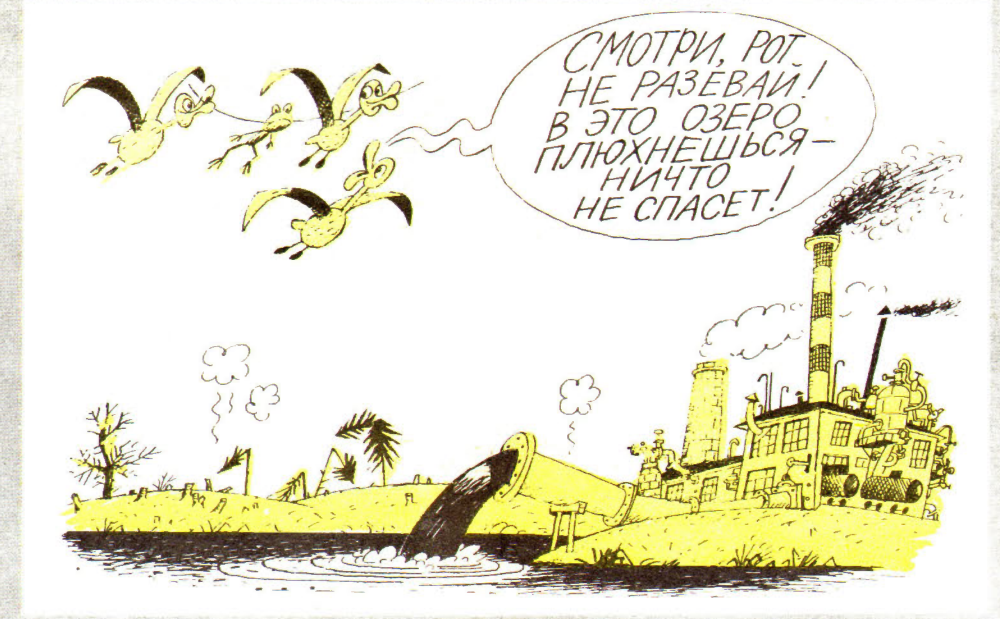
Вот так, уважаемые товарищи, об аренде: не больше и не меньше.

— Неужели вы не знаете, как все это делается? — в сердцах воскликнул главный инженер объединения В. Семенов.— Вызвали нас в облагропром и приказали заключить с комбинатом договор на аренду, а иначе, мол, премии лишим. Только не вздумайте этого публиковать. От всех слов откажусь.

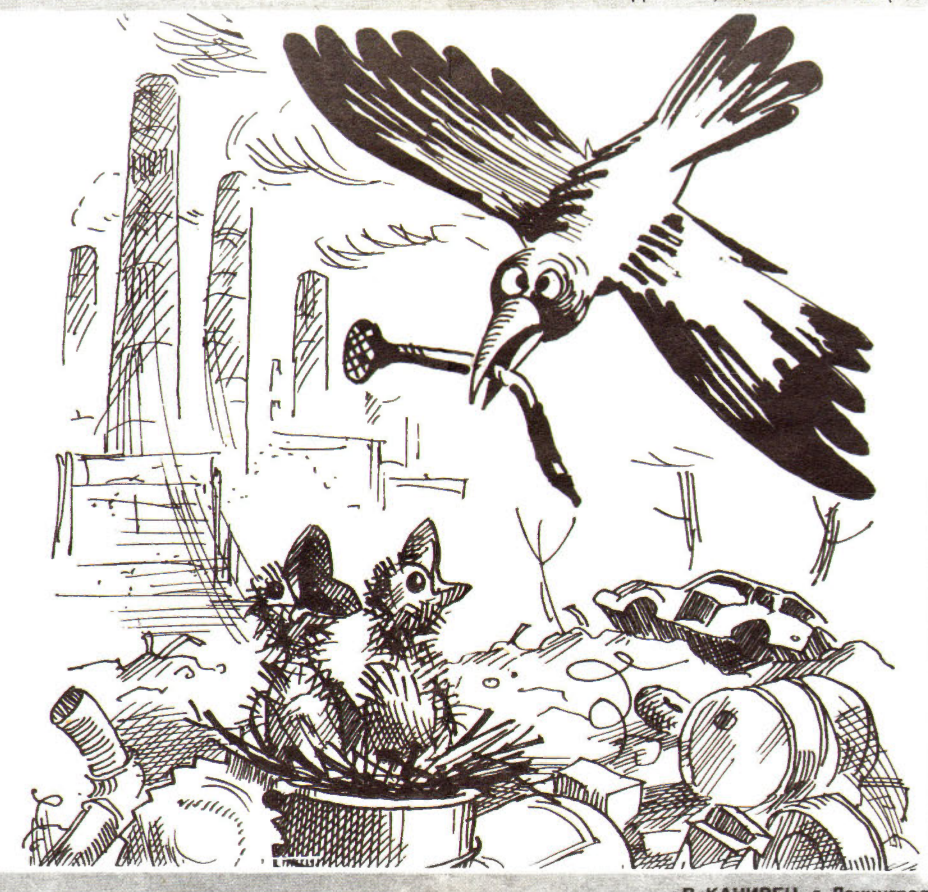
Что ж, прием — с диктофоном говорить не желаю, а без него почему не пооткровенничать, не поплакать в жилетку (попробуй, если что, докажи) — не оригинален и широко используется руководящими ответственными товарищами при встрече с прессой.

Как видите, одному пряник посулили, другому кнутом пригрозили. И дело пошло. Правда, не с реальной арендой, а бумажной. Но что из того: есть реальная аренда или ее нет — это не главное. Главное, чтобы бумаги летали: одни с предписаниями вниз, другие с рапортами об их выполнении — вверх. Главное, чтобы момент выбрать и во всеуслышание заявить: мы за новое и в его русле. А затем обязать всех дружно и с песнями перейти на арендный подряд.

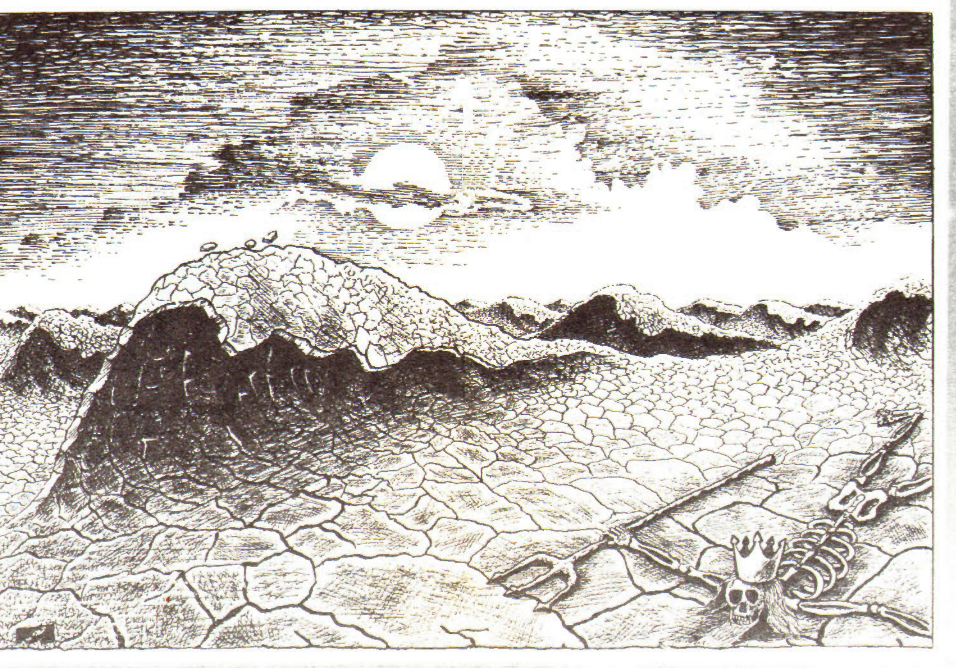
Белгородская область.

Г. ОГОРОДНИКОВ, Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО (тема).

В. КАНИВЕЦ, г. Ленинград.

А. МЕРИНОВ.

Анатолий ПРИСТАВКИН:

«ЕСЛИ ЗАВТРА ЗАКОНЧИТСЯ ПЕРЕСТРОЙКА, МЕНЯ НЕ БУДЕТ»

— Анатолий Игнатьевич, до недавнего времени наиболее простым способом познакомиться с жизнью зарубежных читателей по месту их «прописки» была эмиграция. Ныне другие времена и порядки. Наши литераторы ездят по приглашению зарубежных издателей, читательских клубов, никто не посягает на гражданские права наших авторов. Ваша повесть «Ночевала тучка золотая...» переведена сейчас на многие европейские языки и, можно пошутить, открыла вам Европу. Вы знакомитесь с ней и как писатель, и как народный дипломат. Какие мысли рождает у вас общение с Западом?

— Я довольно давно написал свою повесть. Ни один журнал до перестройки не принимал ее к печати. Тем более издательства, хотя другие мои книги и выходили. Были трения с чиновниками из литаппарата Союза писателей. На Запад в качестве писателя дальше шереметьевского аэропорта не ездил. Да и то по печальному поводу: провожал изгоняемых из страны писателей — Аксенова, Коржавина, Копелевых и других. Чиновники считали меня чем-то вроде... ну, диссидента, что ли. Теперь повесть напечатана, ее переводят, меня приглашают на представление книги читателям — езжу! Без диссидентского ярлыка, слава богу! И я по мере сил способствую исчезновению на Западе стереотипа «образа врага». Моя страна выходит из международной изоляции, нам начинают верить, перестают нас бояться — как могущественной военно-ракетной державы и как общества, которое мечтает распространить свои очереди на весь мир.

Какие еще мысли рождает у меня общение с заграницей? Моим мыслям 150 лет. Вот они. Некоторым образом мы народ исключительный: «Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок. Наставление, которое мы призваны преподать, конечно, не будет потеряно; но кто может сказать, когда мы обретем себя среди человечества и сколько бед суждено нам испытать, прежде чем исполнится наше предназначение?»

Эти слова принадлежат нашему талантливому писателю и философу П. Я. Чаадаеву. За публикацию этих мыслей из его «Философического письма» журнал «Телескоп» был закрыт в 1836 году. Почему-то у нас мало читают Чаадаева. А зря! Нам представлялось, что мы слишком далеко забежали, а выяснилось — плетемся в хвосте. Когда четыре года назад наше общество решило подвести некоторые итоги, реальные, а не ложные, оказалось, что у нас высокая детская смертность, антисанитарные родильные дома, немилосердное отношение к старикам, много брошенных детей... Намеренно не перечисляю другие наши беды, выросшие до гигантских размеров. Но вот из своих поездок и разговоров с рабочими, студентами, пенсионерами, русскими эмигрантами я вынес убеждение, что они по-своему переживают за успех нашей перестройки. Сопереживают! Все наши наиболее интересные статьи в газетах немедленно перепечатываются за рубежом.

Впервые в Западной Европе, в ФРГ, я оказался в прошлом году — в делегации писателей, которая была приглашена Баварской академией искусств. Встречи с людьми затягивались до полуночи. На вопросы я отвечал без утайки, и вот мне прислали записку: «Мы боимся за вас! Приедете в Москву, вас арестуют за ваши высказывания». Автор этой записки доброжелательный человек, но он сомневается, что перестройка у нас побеждает. Впрочем, у нас дома тоже не все верят в успех. Да и не все являются сторонниками перемен в обществе. Но ведь нет другого пути возрождения Родины. Я не представляю, как буду жить, если перестройка потерпит крах. Меня просто не будет — духовно и физически. Кстати, издатель в Нидерландах, выпустивший мою книгу, сделал наклейку на обложке с выдержкой из одного моего выступления: «Если завтра закончится перестройка, меня не будет». Как позже сказал мне издатель, эта наклейка позволила увеличить тираж книги «Ночевала тучка золотая...».

По моим наблюдениям, зарубежная интеллигенция с хорошим настроением встречает духовное возвращение на Родину выдающихся русских философов, писателей, деятелей науки. Сами они, увы, приехать в Москву уже не могут... Тут я должен произнести слова благодарности в адрес тех зарубежных издателей, университетских ученых да и просто коммерсантов, которые помогли сохраниться нашему культурному багажу — русским философским работам, романам, повестям. Например, арестованный на Родине роман Василия Гроссмана русские эмигранты собирали буквально по частям, которые попали на Запад...

Не знаю, найдется ли на свете общество, которое бы с такой легкостью лишало себя наиталантливейшей части граждан. Командно-бюрократическая система, господствовавшая в годы сталинщины и застоя, не терпела возле себя одаренных людей. Происходила своего рода антиселекция: крупные колоски уничтожали, а мелкие выращивали. В результате потерян генофонд. Слона нельзя заменить даже тысячью кроликов, как заметил один баснописец. Имя ученого Питирима Сорокина известно во всем цивилизованном мире. Он один из основоположников американской социологии. А ведь он — наш! И после революции преподавал дома. Вспомним российского изобретателя И. И. Сикорского, который составил славу мировому воздухоплаванию, под его руководством в США созданы военные и пассажирские самолеты, вертолеты. А наши даровитые русские литераторы начиная с Бориса Зайцева, оказавшегося в эмиграции? А Ремизов и Бунин, так никогда и не вернувшиеся на Родину? Мы привыкли к тому, что наша пресса сквозь зубы писала о лауреатах Нобелевской премии, принадлежащих русской культуре. Это можно сказать про Бунина, Пастернака, Солженицына, Бродского. Не так давно, в годы застоя, покинули Отечество писатели Некрасов, Аксенов, режиссеры-новаторы Любимов, Тарковский, музыкант-виртуоз Ростропович и другие. Какие замечательные подарки сделали наши ведомства западной культуре!

Сколько же лет понадобится нам, чтобы покрыть обнаруженные дефициты в духовной жизни! Мы не устаем повторять, как нужны талантливые, работящие люди. Писатель Черниченко без устали говорит о вопиющем положении, когда хлебородная наша страна обменивает свой золотой запас на иностранные хлебные излишки. Родные наши очереди и нехватки — отдаленные результаты пертурбаций в обществе, которые десятилетиями протекали под разными лозунгами. Единственный выход из тупика — планомерное развитие демократии...

— Вы находитесь в числе организаторов известного теперь движения «Писатели в поддержку перестройки», коротко — движение «Апрель». Что заставило московских писателей внутри своего творческого Союза организовать это общественное движение?

— В Манифесте «Апреля», принятом в марте этого года на собрании московских литераторов, говорится о причинах возникновения нового движения: «Мы глубоко убеждены в том, что Союз писателей оказался организацией, не пригодной для реального осуществления перестройки в литературном деле. Четыре года, прошедших с апреля 1985 года, свидетельствуют об этом вполне определенно. Недаром на различных собраниях писателей-москвичей все громче раздаются голоса, что нынешний Союз писателей представляет собой, как и прежде, «министерство литературы», то есть придаток командно-бюрократической системы... Авторитет Союза писателей про-

НА ПУТИ К ИЗВЕСТНОСТИ

Трудовой семестр студента Литинститута.

См. стр. 10.

ВИЛЫ В БОК

ИСПОЛКОМ НА ХОЗРАСЧЕТЕ

Согласитесь, очень неприятно зависеть от дурного настроения высокоответственного лица. Но как вызвать в нем благожелательность? Граждане идут на уловки: униженно юлят перед секретаршами, вычисляют неблагоприятные дни, поминают имя любимого пуделя начальника. Увы и ах! Никакой надежности эти методы не дают.

Но вот Октябрьский райисполком города Новосибирска сам избавил своих посетителей от унизительной маеты. Начали с кооператоров, поскольку именно они наиболее часто обивают порог райисполкома. Было разработано типовое «Соглашение» райисполкома с кооператорами.

Исполком, «со своей стороны», обязался: «через соответствующие органы осуществлять в пределах компетенции контроль за соблюдением кооперативами действующего законодательства, по вопросам охраны труда, техники безопасности, производственной гигиены, санитарии, пожарной безопасности, охраны природных ресурсов и окружающей среды, а также за соблюдением кооперативом обязанностей по платежам в госбюджет, осуществлением учета и гос. отчетности.

За оказанные райисполкомом услуги кооператив обязуется в сумме (такой-то) перечислить на особый счет Октябрьского райисполкома № 0007474020 (ежемесячно)».

Правда, некоторые кооператоры, нарушая атмосферу официальной умиротворенности, недоуменно спрашивают: во-первых, с каких это пор контролирующие инстанции взимают плату с контролируемых? И, во-вторых, с какой стати кооператоры должны из своего кармана оплачивать исполкомовцам ту работу, которую они должны вести по долгу службы и уже оплаченную им государством? Вот если бы исполком пек пирожки для тех, кто томится в приемных, шил спецодежду или оказывал иные дополнительные услуги — тогда другое дело... Но от этих каверзных слов у работников райисполкома тут же портится настроение, а это чревато...

И. СКОРОБОГАТОВА.

НА ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ КУРСАХ

Начало этой истории не предвещало неприятностей жительнице Львова И. Винницкой. Скорее наоборот. Дело в том, что в сентябре 1987 года она отдала в меховое ателье, что на улице Жовтневой, свою замечательную шубу из бухарского каракуля, которая в результате переделки должна была стать еще лучше.

И шубу переделали. Но до такой степени, что хозяйка отказалась ее взять. Ателье вырезало из шубы целые куски бухарского каракуля и заменило их на серую бессарабскую мерлушку. Да еще и разных оттенков.

Ателье это категорически отрицает. В подтверждение ссылается на экспертизу.

На таких позициях стороны стоят насмерть.

Если сложившуюся ситуацию изобразить графически, то надо начертить две параллельные линии, которые, как известно, нигда не пересекаются.

Куда только не обращалась Винницкая: и на фабрику «Индтрикотаж», и в милицию, и в прокуратуру, и в местные органы печати. Но никому не удалось убедить ателье, что оно испортило шубу Винницкой, а Винницкую, что такого не произошло.

Не в силах это сделать и Крокодил. Тем более ему сложновато отличить бухарский каракуль от бессарабской мерлушки.

Но выход есть. Линии спорящих сторон могут пересечься... в суде. Только суд с помощью компетентных специалистов может сказать, кто прав. И наказать виновных, если таковые будут установлены.

Конечно, такой совет можно было дать Винницкой и в письме. Но дело в том, что в похожих ситуациях не она одна. Пишут люди во все инстанции, вместо того, чтобы обратиться всего в одну.

А. ПАВЛОВА.

Со стр. 3.

ПО МОЗГАМ

кооператива аванс. «Техника», в свою очередь, находит свежеобразованный кооператив «Ареал — Випек», который существует тем, что ходит впереди газостроителей и торит в чертоломах дорогу, получая за то часть оплаты древесиной. В обязанности «випековцев» также заложено строительство «лежневки». Веди такую дорогу госконтора, так ей безразлично, из чего она будет: из красного дерева, черного, корабельной сосны. А «випековцы» сортируют, укладывают в «лежневку» охвостья, ветровал, снеголом — ведь на раз лишь нужна дорога, чтобы прошла трубоукладочная техника, а ту древесину, которая деловая, ту «випековцы», обняв, сносили на обочину, а затем и вывозили на железнодорожную станцию (на деньги «Техники» кооператорам-лесорубам удалось купить три старых КАМАЗа, восстановили из металлолома трелевочный трактор).

Я выехал в Ленинградскую область, на станцию Войбокало (ревизоры КРУ Минфина, как и обличители,— журналисты тут, естественно, не были) и встретился с начальником участка треста «Мосгазпроводстрой» К. Гумой. И вот что сказал Константин Владимирович: «Кооператив «Ареал — Випек» нам помогает просто здорово. Мы освобождены от тяжелой и трудоемкой работы, что благотворно сказывается на времени прокладки газопровода — идем с опережением графика на два месяца, по болотам.

— А что бы сталось с порубленным лесом, не будь при вас кооператива?

— Мы бы этот лес ЗАКОПАЛИ! — честно признался Гума.— Покупать его на корню охотников нет, слишком хлопотно: и спили, и вывези из хлябей да трясин. Не будь кооператива, деваться некуда, лес пришлось бы валить нам, но вывозить — нет ни сил, ни времени. Мое дело — магистраль. Да и охотников гробиться в топях нет.

— А кооператоры?

— Те пупок рвут, у них свой интерес.

Вот так были собраны 2000 кубов деловой древесины.

(Хоть убей, не могу понять: почему сгноить лес, а счет вообще-то идет на сотни тысяч кубов при нашем-то хозяйствовании,— это в порядке вещей, с этим свыклись. А когда кооператоры захотели пустить в дело всего ДВЕ ТЫСЯЧИ КУБОВ, так сразу истерика: не тронь! Они стратегические!)

Медный порошок. Данный продукт «Техника» должна поставить за рубеж в количестве 130 тонн.

Медь — что уж говорить! — товар стратегический. Но как порошок попал к кооператорам? Воровским путем? Нелегальным каналом? Нет, был куплен на вольной ярмарке неликвидов в Волгограде в 1988 году.

Исчерпывающую информацию об излишках медного порошка и меди в Минцветмете СССР мне получить не удалось, это и понятно. Но кое-что прояснилось. К примеру, в прошлом году завод «Электроконтакт» не знал, кому сбыть 1000 тонн данного порошка. А если учесть, что договор на покупку порошка «Техникой» был заключен с другим предприятием, то, следовательно, перепроизводство его еще больше.

Теперь поразмыслим: если порошок нельзя покупать, то что же с ним делать? И зачем его производить вообще в таких количествах? Тем более что длительному хранению он не подлежит, окисляется и требует переработки.

И я направился в КРУ Минфина СССР.

— А не кажется ли вам,— спросил я заместителя начальника КРУ В. Баклана,— что «Техника» в принципе-то делала нужное дело, находя сбыт нежаломy, а то и просто гноимому у нас добру, причем с несомненной выгодой и для себя, и для отечественных компаньонов? Быть может, не стоило, Владимир Петрович, блокировать счет кооператива, ставя его на грань разорения, а уж если появились у КРУ претензии, то указать, призвать, предупредить кооператив — мало ли мер, кроме как колено на грудь, руки на горло?

— Вышедшее 7 марта постановление Совмина СССР «О мерах государственного регулирования внешнеэкономической деятельности» делает неосуществимыми договоры «Техники».

— Но договоры заключены до постановления! Закон обратной силы не имеет!

— В данном случае имеет.

И стало ясно, почему столь бесцеремонно обошлись ревизоры КРУ с кооператорами. У ревизоров — своя правда и свои правила.

Закон о кооперации гласит, что «ревизии и проверки не должны нарушать нормальный ритм работы кооператива», а деятельность «Техники» благодаря КРУ практически остановлена. Закон гласит, что «вмешательство в хозяйственную или иную деятельность кооператива государственных органов не допускается», а КРУ влезло в работу кооператива с ногами — запретило «Технике» осуществлять операции по банковскому счету в части выдачи и перечисления средств на нужды кооператива, то есть фактически прекратило деятельность кооператива. А ведь это, по Закону, прерогатива того исполкома, где данный кооператив зарегистрирован...

Ну, а каковы итоги всей этой истории?

Прямые убытки кооператива составили 10 миллионов рублей.

Штрафы, санкции за просроченное хранение грузов и т. д.— более трех миллионов рублей.

Убытки на предприятиях-заказчиках, в министерствах — более тридцати миллионов рублей.

Но под конец встречи заместитель начальника КРУ обнадежил: «Поймите и нас,— сказал Владимир Петрович,— мы тоже учимся работать в новых условиях. Счет кооператива будет разблокирован»...

Что ж, спасибо и на том, товарищ КРУ, поясной вам поклон, за то, что дали шанс выжить кооперативу. Он ничего, он восстановится. Ему будет трудно, так как ушли в поисках лучшей доли строительная, сервисная и несколько программистских служб «Техники».

Ему будет трудно и потому, что председатель кооператива Артем Тарасов ошельмован, дискредитирован в предвыборной кампании за депутатский мандат. Его программу местная печать (Брянская область) сравнивала... с гитлеровской; избирателям прозрачно намекалось — опять же через местную прессу,— что это он, Тарасов, организовал хищение стеклоочистителей с автоконкурента...

А главное, как уже ясно, нет уверенности в будущем, нет никаких гарантий, что «Техника» опять кому-нибудь не глянется. В силу необъяснимой традиции любим мы потоптать, подушить всякого неординарного, непривычного, прогрессивного, чтобы потом, конфузясь, сказать: «А ведь не такой уж и глупый был этот... как его, Тарасов, что ли, со своими ребятами. Даже, прямо сказать, далеко не глупые, а скорее умные! Ведь так поставить дело! Министерства за пояс заткнуть! Внешнюю торговлю нашу! И даже Академия наук была заинтересована в контактах с кооперативом, Минобороны... Надо бы было дать довести намеченные программы до конца, ведь одна выгода государству! Но нет! Врезали по мозгам!»

г. Москва — Ленинград.

Со стр. 9.

должает падать. Не меняется стиль работы... Хозяевами в СП по-прежнему остаются официальные лица, назначенные сверху...»

Сегодня движение «Писатели в поддержку перестройки» представляют более пятисот человек. У нас нет деления на известных и неизвестных, наше движение — союз равных, каждое перо самоценно, каждый писатель важен для «Апреля». Участие в движении не исключает членство в СП, литератор остается и членом Литфонда. Просто мы хотим не «министерства литературы», а подлинного содружества разных талантов, если хотите, разных групп, объединенных общностью творческих установок. Никто из наших «функционеров» не получает зарплаты, бескорыстное служение делу — главная черта «Апреля». Есть пока один печатный орган — литературный альманах. Среди народных депутатов девять апрельцев. Мы — и это я хочу особенно подчеркнуть — нравственное движение. И если кто-то выступит, скажем, против дружбы наших народов, с националистическими декларациями, мы от него освободимся. Недоброжелательная молва приписывает «Апрелю» желание занять руководящие кресла в писательском аппарате. Навет! Цель одна: отринуть чиновничьи методы в литературных делах. У нас организована «группа реагирования», ее обязанность — незамедлительно привлекать внимание общественности к нарушениям Конституции и прав человека, а также к фактам оскорбления гражданского, профессионального и человеческого достоинства писателя; исключить навсегда методы, при помощи которых в свое время Союз писателей расправился с Пастернаком, Солженицыным, Ахматовой, Зощенко. На учредительном собрании «Апреля» был принят ряд резолюций: в защиту английского писателя С. Рушди, которого религиозные фанатики угрожают убить за написание романа «Сатанинские стихи», в поддержку требования общественности отменить решение Секретариата об исключении А. И. Солженицына из СП СССР (и оно недавно отменено). Была установлена ежегодная литературная премия «Апреля» — «За гражданское мужество писателя».

— По установившейся традиции в конце беседы припомните какой-нибудь случай анекдотического свойства из вашей жизни.

— Недавно в Юрмале моя жена по собственной инициативе присоединилась к дежурству латышских «зеленых», протестующих против загрязнения природы. Тут появилось рижское телевидение: как вы, русская, попали в пикет, почему защищаете природу Юрмалы? Жена спокойно отвечала, что, потребляя климат, аромат деревьев, водную прохладу, мы обязаны все это еще и защищать от произвола промышленных ведомств. природа объединяет, а не разъединяет людей разных национальностей. Акция «зеленых» была показана по телевидению. И вот гуляя в парке, я обнаружил, что на нас обращают внимание. Мой друг перевел: «Вон идет русская женщина, которая дежурила с нашими «зелеными», а это, наверное, ее муж». Подлинная слава, однако, явилась ко мне совсем в другом месте — об этом даже писал «Огонек». Одна из московских газет, желая меня уязвить, напечатала мой снимок с плакатом на груди «Требуем немедленно закрыть ЦБЗ» — я подменял жену на дежурстве «зеленых». Газета отрезала часть снимка, и читалась лишь верхняя часть плаката: «Требуем немедленно закрыть». Мне не дают проходу: что ты требуешь немедленно закрыть? — Балтийское море, Гибралтар или Америку?

Интервьюировал серьезного писателя несерьезный Михаил АНДРАША.

— *Вам сколько?*
— *Литр!..*

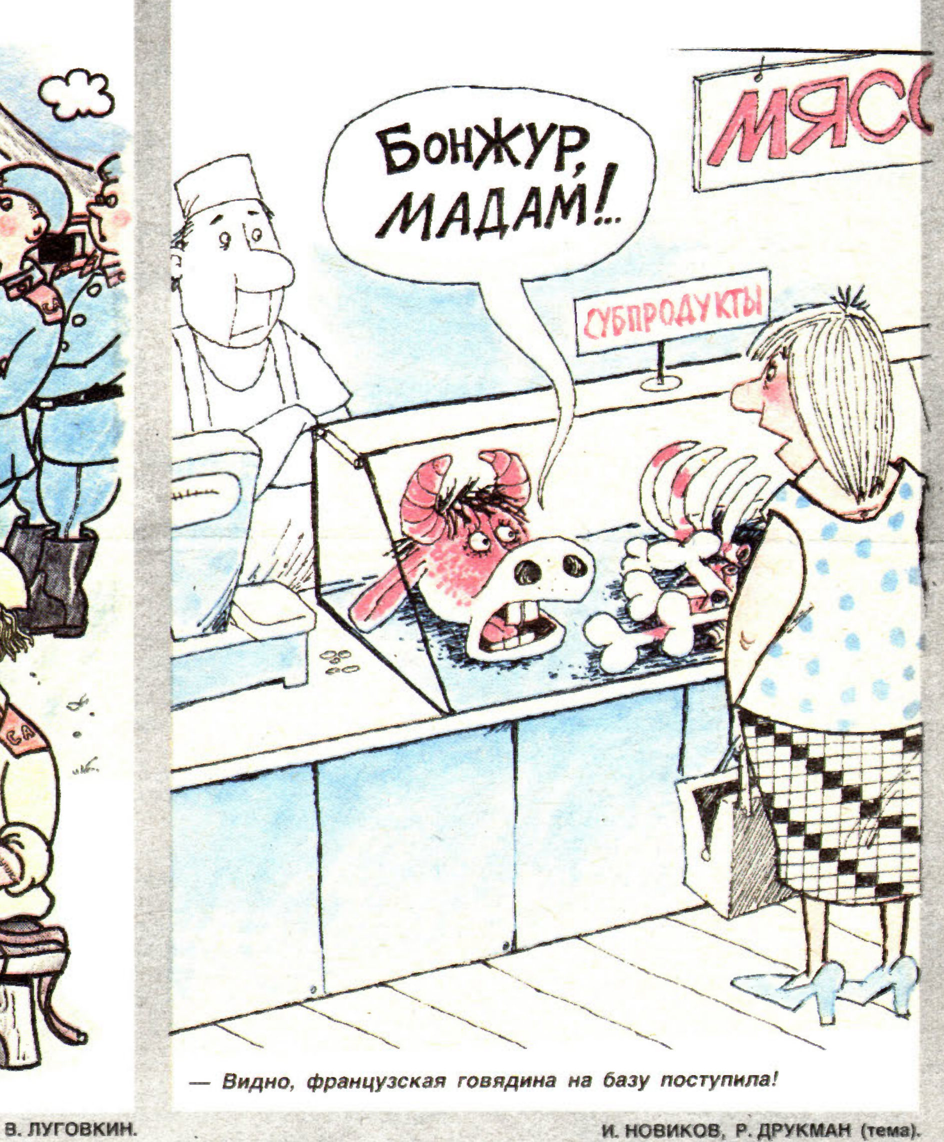
С. СПАССКИЙ, М. ВАЙСБОРД (тема).

С. РЕПЬЕВ.

В. ЛУГОВКИН.

— *Видно, французская говядина на базу поступила!*

И. НОВИКОВ, Р. ДРУКМАН (тема).

Мих. РАСКАТОВ

НЕДОУМЕНИЕ

Очередь стоит у магазина,
В сложные колечки завилась,
Среди луж с наплывами бензина
Месит перемешанную грязь...
В день зарплаты и не в день зарплаты
На вино мусолятся рубли...
Неужели это мы, ребята,
В космос запускаем корабли?

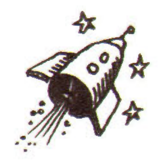
За лекарство я б отдал полцарства,
А в аптеке слышится в ответ
На вопрос: «А есть у вас лекарство?» —
«Этих нету...», «Тех подавно нет!».
Не достанешь порошка без блата,
А без них — здоровье на мели...
Неужели это мы, ребята,
В космос запускаем корабли?

Въехал в дом. Восторгов не скрываю.
Но от сотни дел едва дышу —
Что-то клею, что-то забиваю,
В магазин за красками спешу...
На прилавках как-то небогато...
Не произвели? Не завезли?
Неужели это мы, ребята,
В космос запускаем корабли?

Сотню миль пройдя по учрежденьям,
Где сплошной столоначальный люд,
Я твердил с великим убежденьем:
«Братцы, верьте мне, я не верблюд!»
Но пробить не просто бюрократа —
Там они, как в дотах, залегли!..
Неужели это мы, ребята,
В космос запускаем корабли?

Жизнь идет негаданно-нежданно,
Но какой же кооператив
Даст нам одноразовый желанный
Шприц и плюс к тому презерватив?
А пока мы страхами объяты,
Словно на глухом краю земли...
Неужели это мы, ребята,
В космос запускаем корабли?

Если мы, то как же? Отчего же?
Почему — пора бы объяснить —
Сами мы себя никак не можем
Вылечить, одеть и прокормить?
Вот они, печальные дела-то,
До чего доехали-дошли!..
И при всем при этом мы, ребята,
В космос запускаем корабли!

Владимир БОЛОХОВ

САДОВОДНАЯ-ХОРОВОДНАЯ

Было время:
отработал,
погулял,
сходил в кино,
в баньку с веничком —
в субботу,
после баньки —
в домино...
Было, да уплыло счастье,
и вернуть его нельзя:
приобрел под сад участок,
как та баба — порося...

Слыл речистым я когда-то.
А теперь — что автомат —
знай, долблю:
«Кирпич — зарплата,
трубы —
мало двух зарплат...»

В выходные —
раньше птичек —
просыпается жена.
Дальше чертовых куличек
забирается она.

С электрички самой поздней —
еле ноги волокет.
Не гвоздики в сумке —
гвозди,
а в другой-то мел —
не мед...

— Балки видела —
на свалке! —
шепчет,
рухнув у дверей...
Капли-склянки,
елки-палки!
К черту —
лук и сельдерей!..

А вчера меня
будили,
стал средь ночи напевать:
«Сами садик посадили,
сами будем... корчевать...»

Борис РЕПИН

ВЕСОМОСТЬ СЛОВА

Я получил десятку за стихи,
опубликованные областной газетой.
И суть совсем не в качестве строки,
она скорей всего в десятке этой.
Я на нее купил себе утюг,
обычный, электрический, железный,
предмет в сравненьи с прочими
полезный,
порою без него мы как без рук.
Слова словами испокон веков,
пусть даже звонкие,
пускай подобны грому.
А тут овеществление стихов,
гляди — они становятся весомы.
Стихи равны по весу утюгу?
Невольно радуюсь, когда умом раскину,
ведь я поэму написать могу,
авось, она потянет на машину.

г. Южно-Сахалинск.

Михаил ЗАДОРНОВ

Монолог

ЧЕРНИЛА ДЛЯ ВОСЬМОГО

Как бы хорошо было, если б интеллигенты могли быть еще и нахалами! Только продавщица в гастрономе начнет кричать:

— Ишь ты, интеллигент нашелся! Кусочек ему попостнее! Много вас тут... Всем попостнее, чего я домой забирать буду?

А интеллигент-нахал в ответ ей интеллигентно так, по-доброму, с улыбкой:

— С таким характером могла бы быть и покрасивее!

Над этой фразой она так задумается, что человек пять вежливо отпустит, пока думать будет, что он ей сказал. Шестому, правда, все выскажет, чему ее учили за долгие годы работы за прилавком. И что он очкарик. И чего шляпу не надел? И сметана ему, видите ли, не очень жирная! На себя бы посмотрел, костяшка очкастая!

А очкарик, глядишь, еще нахальнее первого окажется. Поэтому еще интеллигентнее, еще ласковее, еще улыбчивее:

— Зачем вы так нервничаете, милая! Так хорошо на свете жить. Столько радости вокруг! Смотрите, какое у вас красивое зеленое платье! Так идет вам. Точно под цвет вашего лица!

Над этим комплиментом она уже задумается до конца рабочего дня. Конечно, поначалу ей непривычен будет этот процесс — думать. Да еще два раза в день! Зато со временем, чтобы понять, что эти нахалы-интеллигенты наговорят, ей вообще придется начать хорошую литературу читать. Глядишь, любимой героиней станет Наташа Ростова. И все! Другой человек за прилавком. Потому что трудно себе представить, чтобы Наташа Ростова сказала Пьеру Безухову: «Куды прешь, дурень очкастый?»

Вот и получается, что пока интеллигенты не станут нахалами, нахалы не станут интеллигентами!

Есть, правда, другой способ — бороться с ними тем, чего у них нет. То есть умом.

Проведите такой эксперимент: выберите киоск с наиболее яркой киоскершей, занимающей весь объем киоска, подойдите к ней и сначала вежливо и интеллигентно спросите:

— Будьте настолько любезны, если вам не трудно, разменяйте, пожалуйста, две копейки, спасибо!

Вы увидите, как она заранее ненавидит вашу интеллигентную речь. Таков уж ее хромосомный набор. Она сама одна большая сплошная хромосома. Поэтому тут же ответит вам примерно так:

— Пошел вон, я двушек не рожаю!

Это максимум, на что хватит ее нетронутой хорошей литературой фантазии. А вы попробуйте похитрее... Подойдите и для начала озадачьте ее. Прямо глядя в глаза, спросите:

— У вас «Справочник агрессора» есть?

Пока она смотрит, пытаясь сообразить, есть он у нее или нет, усугубите вопрос:

— А «Юного агрессора»?

И пока она думает, забирайте, чего надо, и уходите. Можно спросить еще «Телефонную книгу РСФСР». Надолго задумываются. И усугубить:

— А на узбекском языке? А с картинками?

Но самое сильное средство — поинтересоваться:

— Нет ли чернил для восьмого класса?

Действует настолько сильно, что обычно отвечают:

— Пока нет.

Так что неправильно многие говорят, будто с нашей сферой обслуживания неприятно иметь дело. Если с умом, то это одно удовольствие. Только с умом и не нервничая.

Например, на рынках они же издеваются над нами своими ценами и получают от этого удовольствие. А почему бы нам над ними не поиздеваться и тоже не получить удовольствие? Придите на рынок в период весенних наглых цен и как всегда спросите:

— Почем помидоры?

Он, как всегда, ответит:

— По десять рублей.

А вы, опять-таки глядя очень серьезно ему в глаза, спросите:

— А за двадцать отдашь?

И продолжайте смотреть прямо в его зрачки умоляющим взглядом. У него тут же минута молчания на полчаса наступит. Тогда вы, продолжая смотреть в его немигающие, как пуговицы от подушек, зрачки, извинитесь:

— Ну ладно, раз вы думаете, я вон к тому пойду. Он за тридцать уступит.

И у того, который в столбняке остался, настроение на всю жизнь испорчено. А у вас хорошее. Потому что нет большей радости для нашего человека, чем испортить настроение другому.

Одним словом, если к нашей сфере обслуживания подойти с умом, то каждый день для вас может стать настоящим праздником!

ПАМЯТИ КРОКОДИЛЬЦА

Скончался Наум Давыдович Лабковский — один из старейших крокодильцев, известный писатель-сатирик, фельетонист, поэт-песенник, переводчик.

«Помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела» — эти слова Н. Лабковского из «Песни фронтового шофера», написанной в соавторстве с Б. Ласкиным, были жизненным кредо самого Наума Давыдовича. На 82-м году жизни, за сутки до кончины, он был еще весь в делах, полон планов, в отличной творческой форме.

«Ну, кто в нашем крае Челиту не знает!» Еще бы не знать Челиту, если пластинка с песенкой Н. Лабковского о вспыльчивой мексиканской красотке крутилась буквально на каждом довоенном патефоне по всему Союзу.

«О любви не говори, о ней все сказано», «Домик на Лесной», «Ай да парень-паренек», «Вьется вдаль тропа лесная» — это все он, Наум Давыдович, озвученный голосами Сергея Лемешева, Леонида Утесова, Марка Бернеса, Клавдии Шульженко.

В конце сурового 1941-го Краснознаменный ансамбль под управлением А. В. Александрова грянул «Неспокойно родное море... Не плачьте жены, утрите слезы» — песню о военных моряках. Автора текста, военного журналиста Н. Лабковского, песня догнала по радио на Северном Кавказе.

В отличие от поэта-песенника, фельетонист Н. Лабковский знавал не только аплодисменты. Не раз он слышал в телефонной трубке и угрозы от героев своих фельетонов. Но закаленный сатирик не робел и продолжал печататься в «Правде», «Известиях», «Крокодиле», «Смене», «Вечерней Москве», «Огоньке».

Неутомимый мастер на все руки, он познакомил советского читателя с такими корифеями польского юмора, как Анатоль Потемковский, Януш Осенка, Стефания Гродзеньская, с творчеством болгарских сатириков — Христо Пелитева, Ивана Вихренского и многих, многих других. Сборники его переводов занимают книжную полку немалой длины.

В день кончины Лабковского вышел «Крокодил» с очередным его переводом с польского. Была там такая грустная сентенция: «В молодости нас заботит, что о нас думают. В зрелом возрасте нам безразлично, что о нас думают. И только в старости мы обнаруживаем, что о нас вообще никто не думает». О себе Наум Давыдович не мог бы этого сказать. О нем думали и долго еще будет с благодарностью думать множество людей, поющих его неумирающие песни, читающих его остроумные строки.

«Дерево Свободы». Рисунок Пюи Гозадо.

Площадь Бастилии была «взята» за 10 дней до 14 июля... 1989 года. Приветствуя нашего лидера, парижане всех возрастов, опоясавшие площадь плотным кольцом, высказали свое отношение и к перестройке, и к новому политическому мышлению, основанному на общечеловеческих ценностях. В сущности, тех же, которые определили пафос «Декларации прав человека и гражданина», тех, которые отразились в лозунге Великой французской революции: «Свобода, равенство, братство». Восстановилась связь времен — июль, октябрь, апрель.

В самом деле, если справедливо утверждение, что французская революция — зерно всех революций новых времен, то справедливость эта прослеживается с наибольшей очевидностью на примере России. Попав на российскую почву, зерно взошло декабризмом, а декабристы, как мы все помним, разбудили Герцена, тот — разночинцев, они — пролетариат. Празднование 200-летия Французской революции — отнюдь не внутреннее дело самих французов...

Отголосок идей, вдохновлявших просветителеи и революционеров двести лет назад, звучит — то глуше, то яснее — в сегодняшнем преобразовании нашего общества. Перестройка — судя, во всяком случае, по реакции мировой общественности — тоже, выходит, не только внутреннее наше дело.

Россия и Франция — нации-ровесницы. Они отсчитывают свою историю с короля Гуго Капета, взошедшего на престол в 987 году; мы вовремя вспомнили о крещении Руси, имевшем место годом позже. Меж ровесницами было всякое, и «Нормандия — Неман», и Бородино. Любопытно, впрочем, что даже поход Наполеона породил не долгие десятилетия свинцовой неприязни, а ускоренное взаимопроникновение культур... Жалко, конечно, что «холодная война» ввела «мораторий» на культурное взаимообогащение, но будем надеяться, что это позади: на повестке дня — открытие культурных центров в Париже и в Москве.

Наши страны замыкают Европу с флангов: они — на западе, мы — на востоке. Что ни говори, а в общеевропейском доме, если ему суждено быть построенным — а как иначе? — французская и советская «конструкции» станут несущими. На нашем континенте, как и в мире, остается еще немало «бастилий», но шансы на то, чтобы их взять, сегодня выше, чем еще несколько лет назад. Советско-французское согласие — необходимейший элемент в осознании европейцами общности своей судьбы.

...Но вернемся «к яйцу», как говаривали родоначальники романской культуры еще тогда, когда пребывавшие в дикости галлы ожесточенно мутузили друг друга, то бишь к «зерну» — к Великой французской революции. «Крокодил» салютует ей двойным залпом. Мы предоставляем слово нашему французскому коллеге и другу Бернару ФРЕДЕРИКУ, московскому корреспонденту газеты «Юманите» — органа коммунистов Франции. Он размышляет на тему: что было бы, если бы не было революции. Хотя не хуже нас знает, что история не имеет сослагательного наклонения. Кроме того, мы публикуем работы французских художников — современников взятия Бастилии. Надеемся, нашему читателю будет «внятен острый галльский смысл»...

Бернар ФРЕДЕРИК

ВСТРЕЧА В НЕКОЕ 14 ИЮЛЯ

Камергер вошел в королевскую опочивальню. Людовик XVI завтракал цыпленком, держа его прямо за ножку. На нем была ночная сорочка весьма сомнительной белизны. Он сел на кровати, подоткнув под себя одеяло.

— Ну что еще? Мне когда-нибудь дадут спокойно позавтракать? Ладно, говори, камергер. Только быстро!

В то утро 14 июля 1789 года было невыносимо жарко. Однако окна королевской опочивальни в Тюильри были закрыты: его величество ненавидел сквозняки. Камергер же в три ручья обливался потом, поэтому он обмахивался своей широкополой шляпой, как дама веером.

— Сир, народ осадил Бастилию.

— Но это же бунт!

— Нет, сир, это революция!

Людовик XVI вскочил с постели, бросив все, что осталось от цыпленка, на пол, устланный драгоценным ковром.

— Революция?! Уж не хотите ли вы, камергер, сами попасть в один из казематов Бастилии? Народ разогнать! И быстро, быстро! Где королева? Иди ко мне, моя милая, пойдем в сад. Революция, пфи... В Париже! Видали? «Взятие Бастилии» им подавай. А еще чего?

Король ушел.

К вечеру солдаты, которым выдали карабины, окружили безоружную толпу, собравшуюся у входа в Бастилию на востоке столицы. Раздалась команда: «Примкнуть штыки!»

За ней другая: «Заряжай!»

Послали гарнизон швейцарцев: это было надежнее. К ночи манифестанты были разогнаны. Ходили слухи, что было много убитых и раненых. В прессе об этом не сообщалось. Собравшиеся в Зале для игры в мяч депутаты Генеральных штатов во главе с Мирабо потребовали провести расследование инцидента. Безрезультатно.

18 июля швейцарские гвардейцы окружили Зал для игры в мяч. Все депутаты были арестованы. Дворян попросили вернуться в свои владения, кроме тех, кто нес службу при дворе. Духовенство вернули в их приходы, кроме аббата Грегуара, которого отправили в Труа, на запад от Парижа. Депутатов от третьего сословия сослали на остров Эльбу благодаря соглашению, достигнутому с австрийским императором и Римским папой. Некоторые, впрочем, смогли избежать этой участи, но вынуждены были обитать в подполье...

Четыре года спустя, 14 июля 1793 года, плотный, но низкорослый молодой человек вошел в кафе «Прокоп» недалеко от Сент-Жермен, в двух шагах от Института напротив Пале-Руаяль на берегу Сены.

Молодой человек, заложив одну руку за борт жилета, будто у него болит желудок, направился к пустующему в глубине кафе столику. С сильным акцентом, который выдавал в нем южанина, он заказал обед и вино. В ожидании, когда его обслужат, он прислушался к очень оживленному разговору, который вели за соседним столиком трое мужчин.

Первый был широкоплеч, лицо у него было усеяно маленькими шрамиками, по которым можно безошибочно определить — оспа. Второй — весьма чопорный, одетый с изысканной элегантностью, подносил к носу лорнет и говорил спокойно и с достоинством. В отличие от первого, который хохотал как извозчик и шлепал служанок пониже спины. Наконец третий, самый молодой, был с лицом ангела. Пылкий молодой интеллектуал, каждая фраза которого получала молчаливую и благосклонную поддержку элегантного.

Одинокий посетитель слышал лишь обрывки разговора. Говорил самый молодой:

— От севера ждать нечего, прости

Социальное положение французского народа накануне Революции глазами художника Бюлло. «Третье сословие» (ремесленники, крестьяне и буржуа) тащит на себе первое сословие — духовенство и второе — дворянство.

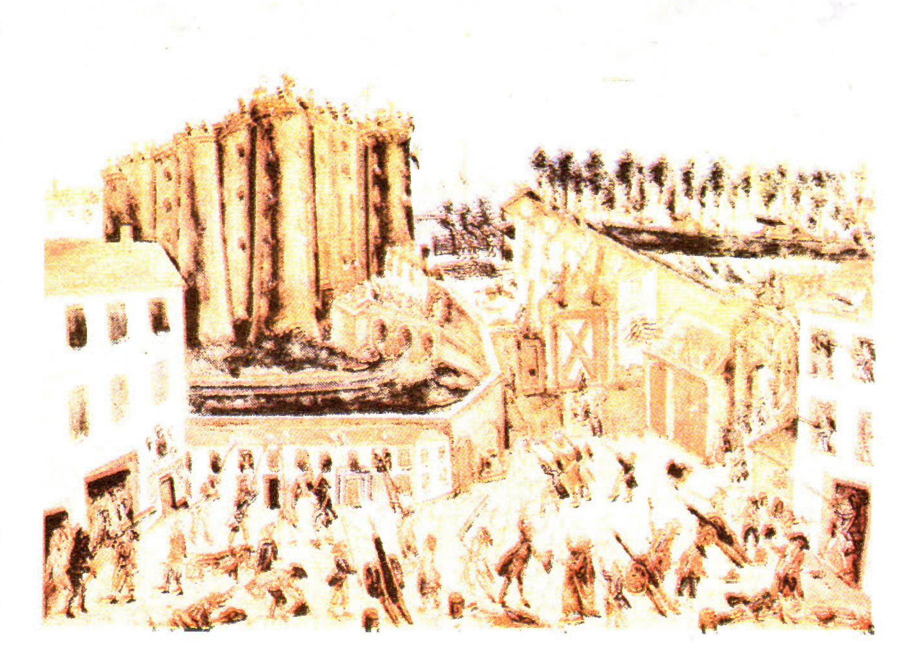

Рисунок XVIII века. «14 июля 1792 года. Взятие Бастилии».

— Куда бы вы хотели попасть — в рай или в ад? — спрашивает хозяйка.

— Трудно сказать,— говорит одна из женщин.— С точки зрения климата рай предпочтительнее, но в аду общество интереснее.

•

После объявления на вокзале о том, что прибытие поезда задерживается на час, пожилой мужчина говорит:

— Ничего странного — в нем едет моя жена.

•

Режиссер говорит молодой актрисе:

— В новой пьесе вам предстоит играть роль неопытной и невинной девушки. У вас достаточно жизненного опыта для этой роли?

•

— Обвиняемый, у вас есть алиби?

— Чтобы ответить на этот вопрос, я должен обдумать ответ.

— Хорошо. Четырех лет на обдумывание вам хватит?

•

Пациент говорит психиатру:

— Спасибо, доктор, что вы меня излечили от мании величия. Сколько миллионов я вам должен за лечение?

•

Американский коммивояжер, войдя в квартиру, демонстративно рассыпает из ведерка на ковер заранее приготовленный мусор и тут же начинает рекламировать изделие своей фирмы:

— Мадам, я готов съесть все то, что не вычистит наш замечательный пылесос! Эй, куда вы убегаете?

— На кухню за ложкой,— отвечает хозяйка.— У нас уже второй день нет электричества.

•

Охранник спрашивает заключенного:

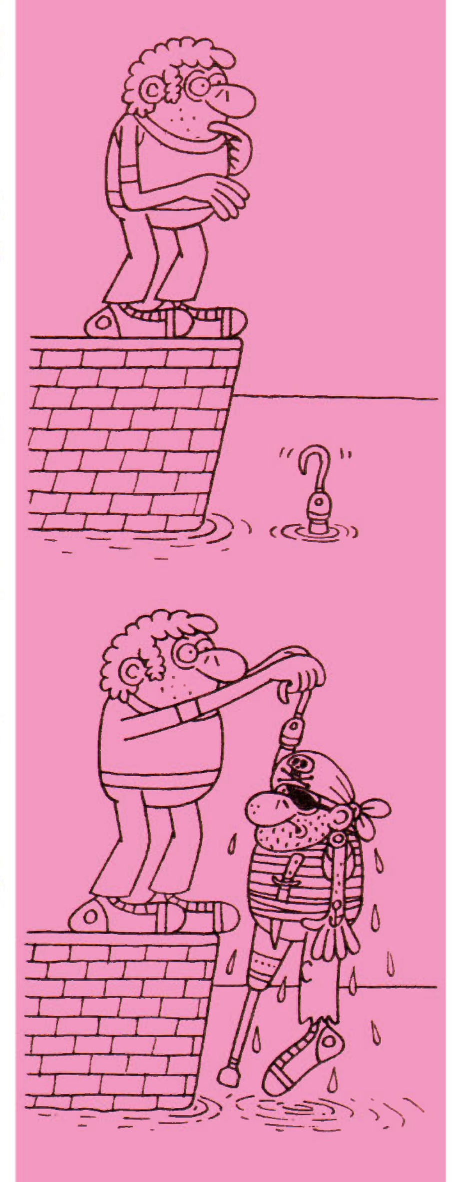
— Интересно, за что тебя посадили?

— Будете удивляться — ни за что!

— Как это?

— Я забрался в квартиру, в которой нечего было грабить...

Из журналов «Дикобраз», «Рогач», ЧССР и «Стыршел», Болгария.

«Дикобраз», Чехословакия.

Хуан Ривера САAВЕДРА (Перу)

ЛИКУЕМ, БРАТЦЫ, ЛИКУЕМ...

Огромный управляемый корабль заходил на посадку. Наплевав на хаос и затянувшийся экономический кризис, столица готовилась к встрече со всем размахом. Приодевшись по этому случаю, ее жители смотрелись почти щеголевато — будто только что сошли с паперти. Грядущее событие благотворно сказалось на облике горожан. Если вчера они пухли с голоду, то сегодня их распирало самодовольство.

С высоты видно было, как толпа огромным неряшливо-бурым пятном обтекает ленту посадочной полосы. Как из пятна выпали на бетон несколько блеклых, взъерошенных капель — изможденных от счастья дикторов и журналистов, на чью долю выпало повести репортаж по всем радио- и телеканалам страны.

«Они уже на подлете! Сейчас мы увидим их лица!» — справившись наконец с волнением, затараторил первый. «Корабль приземлился, вот-вот они выйдут на трап!» — подхватил второй. «Наступает величайший праздник вселенной!» — резюмировал третий.

«Смотрите! Они друг за другом сходят вниз по ступеням! Боже, совсем как в тот день, когда человек впервые ступил на Луну!»

«Наконец к нам вернулось все золото Перу!»

«Достояние всей Америки!»

«Давайте хоть сегодня обойдемся без этих цветастых эпитетов! Итак, сеньоры, перед вами просто — герои всех времен и народов!»

«Неужто грешной земле дано великое право быть попранной их стопами?»

Нет, до этого не дошло. Они были попросту лишены возможности попирать землю. Один за другим прямо с трапа они взошли на плечи толпы, и та донесла их до самого центра столицы — в полном составе. Составе футбольной команды, наконец-то сыгравшей вничью с аргентинцами.

Перевел Н. ЛОПАТЕНКО.

Слова, слова...

Сколько нужно сделать ходов конем, чтобы доказать, что ты — не верблюд?

Из неопубликованных мыслей претендентов.

В скольких артистах умерли великие зрители!

Голос совести призывал обидеться, но хор меркантильных соображений его заглушил.

Алекси АНДРЕЕВ, болгарский юморист.

меня, Максимилиан. Юг, граждане... Юг! Надо поднимать юг, который дворяне держат в черном теле.

— Вперед! — вскричал оспинный.

— Не извиняйся,— воскликнул, улыбаясь, элегантный.— Ты прав. Юг! Твердая земля — твердые люди. Но пойдут ли они против дворянства?

Посетитель больше выдержать не смог:

— Они пойдут, мосье, пойдут. Я клянусь вам пресвятой девой: они пойдут. Я сам корсиканец; Корсика — с вами. Но я нахожу весьма неосторожным, что вы устраиваете заговор в подобном месте. Оно же кишмя кишит агентами короля.

Трое собеседников замолчали и с интересом смотрели на незнакомца. Его иностранный акцент их пугал. Оспинный правую руку запустил под плащ.

— Оставьте это,— сказал незнакомец.— Пистолет не нужен. Я ваш друг. Позвольте представиться: лейтенант артиллерии Наполеон Бонапарт. (Он произнес Буэнапарте.)

Трое других встали. Первым решился оспинный:

— Дантон,— сказал он сердито и протянул руку лейтенанту.

— Максимилиан Робеспьер,— сказал элегантный и, взяв за плечи молодого, представил: — А это Сент-Жюст, Луи. Наш поэт.

Четверо новых друзей решили немедля уйти из кафе. На улице они наняли фиакр.

— Предместье Сент-Антуан,— приказал Дантон кучеру.— Я знаю там одно местечко, где мы сможем все спокойно обсудить. Кроме того, там дают белое вино. И уверяю вас, очень недурное.

У въезда в предместье фиакр остановился. Чудовищное здание Бастилии бросало тень на окружавшие ее убогие постройки. Четверо друзей повернулись к высоким башням крепости. Сент-Жюст и Робеспьер глубоко вздохнули. Лейтенант Бонапарт приставил к глазам руку козырьком:

— Сверху, наверное,— сказал он,— очень далеко видно. Как с вершин пирамид.

Дантон добродушно хлопнул его по спине и расхохотался:

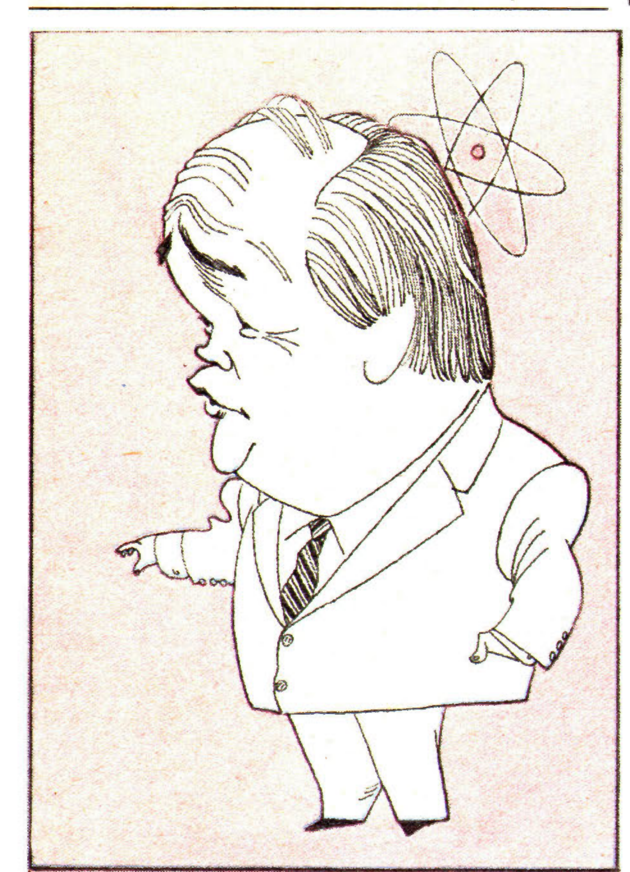
— Россия, лейтенант. Сверху ты видишь Россию, черт меня побери. Пойдем, пропустим стаканчик. Не стоит терять голову из-за этой кучи булыжников.

Перевел Рубен БЕКНАЗАР-ЮЗБАШЕВ.

Карикатура «РЕСПУБЛИКИ-СЕСТРЫ». На глазах у обеспокоенных монархов антиреволюционной коалиции растут, как осенью грибы, свободные республики: Батавская, Римская, Гельвеция...

А в правом углу — республиканский эстамп 1792 года с неизменными атрибутами Революции: фригийским колпаком, галльским петухом, трехцветными кокардой и флагами. Лозунг «Единство и неделимость Республики! Свобода, равенство, братство или смерть!»

Евгений ВЕЛИХОВ

Высокое чело Сократа,
Простые нравы демократа...
Пусть Академия гордится,
Что у нее такие «вице»!

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.
Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. ВРИО родителя (монархич.). 7. Одна сторона в спорном вопросе. 9. Картинное движение кисти. 10. Хорошо простреливаемое заведение (вестерн.). 11. Подручное средство при подъеме (лестничн.). 12. Горный сход. 13. Холод в превосходной степени. 14. Другая сторона в спорном вопросе. 18. Субъект, изучивший проблему стеклотары изнутри. 19. Комары да мошки (обобщающ.). 22. Слово, которое мы говорим с надеждой и любовью. 25. Средство от слабости (спорт.). 27. Наживное дело. 29. «Фитиль» для маленьких. 30. Один из отцов О. Бендера. 31. Самая ценная фигура в шахматах. 33. Место разгула свободы слова. 34. Очень твердый сухарь (фонетич.). 36. Вязаная вещь на память. 37. Материя, ставшая вторичной.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Бросовая цена в базарный день. 2. Удар, который часто приходится в стенку. 3. Туризм с протянутой рукой. 4. Место, откуда вылетают с ревом. 6. Оружие массового поражения (информ.). 8. Слово для выхода на связь. 10. Сказка без конца. 15. Вынужденная привязка к рабочему месту. 16. Силы на страже. 17. Жертва похитителя кораллов. 18. Плавание в сносных условиях. 20. Невесомое фортификационное сооружение (радиотехн.). 21. Приложение к доверию. 23. Игра с полной отдачей. 24. Дом в английском стиле. 26. Человек, который профессионально гоняет собак. 28. Изюмительное изделие (кондит.). 32. Хлесткий аргумент политика. 35. Способ разбудить соседа не просыпаясь.

Составил А. ТАУТИЕВ, г. Севастополь.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 21

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Сенсация. 8. Редакция. 10. Пословица. 13. Ствол. 14. Хобот. 16. Сосед. 17. Корыто. 18. Футбол. 22. Танец. 23. Рикша. 24. Колос. 29. Антресоли. 30. Холостяк. 31. Полемика.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Периметр. 2. Лампа. 3. Киоск. 4. Веник. 5. Гараж. 6. Филистер. 9. Ходьба. 11. Колодец. 12. Мотобол. 14. Хутор. 15. Труба. 19. Каметрон. 20. Скелет. 21. Подборка. 25. Касса. 26. Отряд. 27. Горох. 28. Кисет.

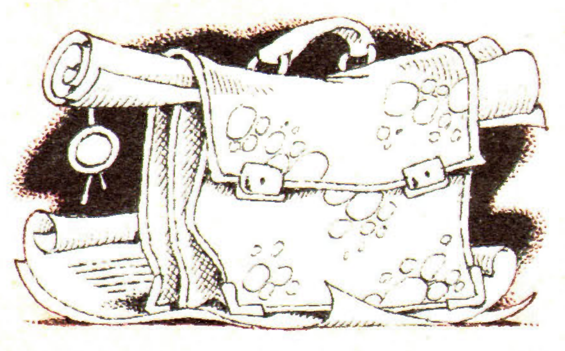
ИЗ ГИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ФЕДОТА КУЗЬМИЧА ПРУТКОВА (ДЕДА), НАЙДЕННЫХ В РЕДАКЦИОННОМ ПОРТФЕЛЕ КРОКОДИЛОВОЙ КОЖИ

СООТВЕТСТВЕННОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ОДНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Слокский целлюлозно-бумажный завод, в известную пятилетку план с торопливостью выполняя и внезапно в реку Лиелупе отходы свои спустивши; на то специальный корреспондент Крокодила Григорий Крошин, с пригожею курляндскою девкою по Рижскому взморью гуляя и незаметно, с отменною учтивостью, подпуская ей амура, так возразил: «Пожалуйте, сударыня, сей реки весьма поберегитесь; ибо в оной зловредный ил обретается». На что сия нарочито разумная девка не упустила разрыдаться, да и он, сказывают, того же учинить не оставил.

БЛАГОРОДНАЯ ПОСТУПКА

Всем ведомый корреспондент Виталий Витальев, во многих с рэкетирами и непотребными девками баталиях отличившийся, особою милостью дюка Букингемскаго в аглицкие полицейские положен был, чем сильняе прежнего законно возгордился; то однажды, по лондонской Оксфорд-стрите в каске и с превеликою дубинкою шед, непомерно прытких аглицких повес в черных кожаных камизолах, рокерами именуемых, встретил. На неуместные их возражения дубинкою махнувши, сей строгий пестун разом их в чувство привел. Смелою и благородною поступкою своею немалое удивление и радость причинив, то аглицкие девушки, по обычаю той страны ледями называемые, трикратно Витальева целовали и напоследок в «Книгу Гиннесса» его занести положили.

ОТМЕННАЯ ВЫХОДКА ДЕВИЦЫ

Как славный редактор отдела писем Николай Монахов, пред читателями с неизменною викторией выступая, навсегда секретно, перед каждым выездом из дома, по нескольку речений из «Нарочно не придумаешь» затверживал; и оные на малой бумажке нарочито большими литерами исписав, таковую за обшлаг мундирного кафтана своего запихивал. Сия редакторская придумка хотя превострою ему казалася, однако от одной знатной и пригожей девки из отдела литературы и искусства не могла укрыться. То оная девица, сим позабавить всех положив, таковой свой умысел на читательской ассамблее в действо произвела. Для сего, сзаду к Монахову подступивши, ту бумажку из-под обшлага выхватила и по ней, переделанным на монаховский манер голосом, смело и громчае противу прочего разговора выкрикнула: «ОБНАЖЕННЫЕ МАХОМ! БОНДАРЧУК — БОЛЬШОЙ ЗМЕЙ! ПОЛСТАВКА ДЛЯ ЦВЕТОВ!». Таковая сей пригожей девки выходка немалый смех всему собранию причинивши, редактор Монахов ее в свой отдел учетчицею писем взять обещал.

И КУХАРИ ПОРОЙ ДОГАДЛИВЫ БЫВАЮТ

Как один гишпанский советник, «Крокодильский Веселый Кроссворд» отгадывая, и мозгу своего напоследок совсем лишившись, кухаря своего, у него в услужении бывшего, так вопросил: что означает «История долгого путешествия хлебобулочного изделия к потребителю?» — то сей опытный в своем деле искусник дал сообразный своему рукомеслу ответ: «Так, государь мой, «КОЛОБОК». Чему тот, нарочито богатый гишпанец, немало смеялся, закрывшись епанчою, и кухарю своему жалованье с того дня противу прежнего трикратно повысил.

НИКТО НЕОБЪЯТНОГО ОБНЯТЬ НЕ МОЖЕТ

Однажды знаменитый французский филозоф Декарт, у ступенек домашней лестницы своей сидевший и у ног своих разнообразные журналы и газетки положивший, с превеликим вниманием их разглядывал. То некий прохожий подступил к нему с вопросом: «Скажи, мудрец, где взять время, чтобы все эти газетки и журналы сии прочитать?» — «Мерзавец! — ответствовал сей,— никто необъятного обнять не может! Но на журнал «Крокодил» все мыслящие подписаться принуждены обретаются!». Сии, с великим огнем произнесенные, слова возымели на прохожего желаемое действие.

РЕКЛАМА? РЕКЛАМА? РЕКЛАМА? РЕКЛАМА?

Очамчирский райисполком ПРИГЛАШАЕТ ФАНТАЗЕРОВ на берега озера грез, давным-давно образовавшегося на месте старого песчаного карьера в местечке Цкургили, что неподалеку от Сухуми. У водной глади прекрасно мечтается о домах отдыха, физкультурно-оздоровительных комплексах, спортивных базах... Озеро площадью в 115 га, а глубина достигает 15 метров. Наиболее дерзкие, такие, как педагог из Сухуми **Т. Пачкория**, уже намечтали здесь и рыбное хозяйство... МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО!

ЕСЛИ СКРОМНАЯ ПЕНСИЯ не позволяет вам приобрести австрийские или югославские сапожки, цены на которые растут со второй космической скоростью, не огорчайтесь. Последуйте совету нашего елецкого читателя **Н. Луневского** и обращайтесь в отдел рабочего снабжения 4-го отделения Юго-Восточной железной дороги. На его складах — залежи неликвидной обуви.

Обувь годна к носке, но, уже списанная, выбрасывается за ненадобностью на свалку.

ЛЮБИТЕЛЯМ ПУТЕШЕСТВИЙ

Далекий вояж за казенный счет вы можете совершить, если ваш трудовой коллектив завоюет переходящее Красное знамя. За получением этого трудового подарка вас отправят далеко-далеко.

Так, колхозу имени Карла Маркса Горно-Алтайской автономной области, сообщает его председатель А. Бедюров, чтобы получить завоеванное Красное знамя Совета Министров РСФСР, ВЦСПС, надо отправить человека за 500 километров в крайагропром, в Барнаул, где попутно посланец может ознакомиться с достопримечательностями краевого центра.

БАРНАУЛ 233225/58 33 24/4 0707=

КОЛХОЗ ИМ КАРЛА МАРКСА ОНГУДАЙСКОГО ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ=

ПОЛУЧИТЕ ВРУЧЕНИЯ ПЕРЕХОДЯЩЕЕ КРАСНОЕ ЗНАМЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР ВЦСПС КОТОРЫМ НАГРАЖДЕН ВАШ КОЛЛЕКТИВ КРАЙАГРОПРОМ УЛИЦА ПОЛЗУНОВА 34 ОТДЕЛ СОЦСОРЕВНОВАНИЯ КОМНАТА 409 ДОВЕРЕННОСТЬ НАГРАЖДЕННОГО= 21/1512 БЕСПАЛОВ-

0709
07.11
01 233504/2 РУС
01 233933/26 УПТ

СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ

бульдозеристы — для работы на свалке в районе Кременчугской улицы (Кунцевский район г. Москвы). На свалку непрерывным потоком поступают различные виды металла (стальные котлы, заглушки, трубы, валы, мотки проволоки, обрезки железа и т. п.). Бульдозеристы требуются для зарытия в землю этих металлических изделий, дабы не мозолили глаза своим видом различным ведомственным контролерам.

Сфотографировал объект Н. Бакулин.

ЕСЛИ вы любите отправлять и получать посылки, приобретайте механическую сбивалку, изготовляемую ПО «Курганармхиммаш». (Хотя она и не для сбивания посылочных ящиков, а для смешивания жидких пищевых продуктов.)

Через месяц эксплуатации сбивалка самопроизвольно разваливается. Поэтому вы идете на почту и отправляете развалины на завод-изготовитель. Месяца через три вам присылают новую сбивалку, которая через месяц разваливается. Тогда вы идете на почту...

Казалось бы, простая сбивалка, а как разнообразит жизнь! — считает В. Римская из г. Поронайска, что на острове Сахалин.

ЕСЛИ в вашем доме неожиданно остановились все часы — не отчаивайтесь.

Следить за течением времени вам поможет стиральная машина «Волга-15А», выпускаемая Чебоксарским ПО имени Чапаева.

Как сообщила нам **И. Федулова** из г. Тольятти, двигатель этой стиральной машины непрерывно работает одну минуту.

Всего 60 включений, и вы с полной уверенностью можете утверждать, что прошел ровно час.

РЕКЛАМА? РЕКЛАМА? РЕКЛАМА? РЕКЛАМА?

Оформление В. Уборевича-Боровского.